

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Вагим ДЕНИСОВ

АНТИБУНКЕР
НАВИГАЦИЯ

Антибункер

Вадим Денисов

Антибункер. Навигация

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Денисов В. В.

Антибункер. Навигация / В. В. Денисов — «Эксмо»,
2017 — (Антибункер)

ISBN 978-5-699-94714-0

Он всю жизнь мечтал оказаться на островах Фиджи в Тихом океане. Мечтал, планировал, копил деньги, но вместо этого ему пришлось выживать в родной стране, как и другие, разрушенной ядерным Апокалипсисом. Теперь «Фиджи» – это его любимый схрон, который он готов защищать от людоедов-«синяков» и обычных мародеров любой ценой...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94714-0

© Денисов В. В., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	11
Глава 2	23
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Вадим Денисов

Антибункер. Навигация

В формате введения в проблему

Фрагмент аудиозаписи лекции Дарьи Алексеевны Закревской «Исторический обзор и современное положение дел с навигацией по Северному морскому пути».

Дом культуры посёлка Подтёсово.

Спрашивающие не идентифицировались, в аудиозаписи слышны неразборчивые голоса и выкрики из зала.

– Все готовы, расселись? Начнём. Итак! Издавна Норильские залежи притягивали промышленных и торговых людей. Только не подумайте, товарищи, что первыми из них были близкие нам по времени комсомольцы или бывшие выходцы из Поморья, потомки новгородских ушкуйников. Первыми стали неизвестные металлурги IX–IV веков до нашей эры, следы деятельности которых были исследованы археологом Хлобыстиным. Бронза плавилась прямо на местности, под открытым небом в тиглях. Необходимо учесть, что климат был другой – в те далекие тысячелетия на Таймыре главенствовала не тундра, граница тайги проходила на несколько сот километров севернее нынешней. Секунду. Если кому-то моя лекция неинтересна, то нужно тихо выйти из зала, договорились? А я доложу руководству.

/семь секунд паузы/

– Металлурги были профессионалами, они не разменивались на охоту и рыбалку, и всё нужное получали меновой торговлей. Затем климат изменился, на месте тайги появилась тундра, и они ушли на юго-запад, так как на том уровне технического развития было невозможно наладить производство и проживание в климате изменившегося Заполярья. Норильская бронза всплывала в тагенарских культурах на юге края. Это и карасукские, фёдоровские, тагарские и хуннские бронзы, бронзы, найденные в южно-среднеазиатских оазисах. Очень может статься, что и хараппские, шумерские и даже микенские бронзы отчасти обладают таким же уникальным составом. Далее мы имеем археологическую лакуну. Кто пользовался россыпями норильских месторождений? Неизвестно. Можно предположить, что в один из промежуточных периодов плавку бронзы освоили на Енисее загадочные предки народа кето.

– Кеты могли, я жил среди них три года!

– Да-да, конечно.

– Странные они.

– Давайте продолжим. Великие переселения народов, миграции кочевников, создание и распад империй хунну и монголов начисто перерезали бывшие связи Юг – Север. Приходили новые народы с новыми культурами. Железный век постепенно приходил на смену бронзовому, и для всплеска сбыта меди понадобилось появление огнестрельного оружия. Тогда норильская бронза опять появилась – в Мангазее. Понятно, что руду добывали не сами русские, они лишь покупали её. Первых землепроходцев больше интересовали мягкая рухлядь и моржовые клыки. За ними шли стрельцы, а позже казаки, облагающие местное население царской податью – ясаком. В самом начале XVII века землепроходцы основали городок Мангазею, который стал опорным пунктом освоения Приенисейского края. К тому времени мангазейские мастера плавил в примитивных печах медь из норильского месторождения. Кто же им её привозил? Местные племена, больше некому. Три домашних северных оленя, впряжённые в нарты, могут тянуть пятнадцать пудов руды. Так что желающие заработать наверняка нашлись, тут можно смело проводить аналогию с современной металlosкупкой.

– Потом Старую Мангазею закрыли, я книгу читал, центр перенесли в Новую Мангазею, под Туруханск!

– Совершенно верно. Казалось бы, так только ближе! Но ничего подобного, медь из Норильска поступать перестала, и в Новой Мангазее бронзу уже не плавил. Опять провал, связанный, скорее всего, со сложностями логистики и большими издержками. Так что в следующий раз подземными кладовыми енисейского Севера предприниматели всерьез заинтересовались лишь в XIX веке. В освоении российского Севера большую роль играли два ключевых, на мой взгляд, фактора: безусловно, климат и, как это ни покажется странным, иностранцы. Интерес к Северо-восточному проходу – морскому пути в Китай и Индию вокруг севера Евразии – возник давно, впервые такую мысль высказал русский дипломат Герасимов, а первый корабль, причём английский, отплыл в поисках этого пути, вероятно, ещё в 1527 году. После этого энергичные поиски Северо-восточного прохода длились около века, но затем на двести пятьдесят лет всё замерло. И только Чичагов с Ломоносовым попытались вернуться к оставленной идее. При освоении землепроходцами северных берегов вообще была характерна такая картина: быстрое продвижение, которое вскоре прекращалось... Почему так?

– Энтузиастов не хватало!

– Может быть. Но обоснованного фактами объяснения этому дано не было, и даже академик Визе лишь повторял за остальными: «Причина столь резкого упадка мореплавания по Сибирскому морю, несомненно, экономического порядка». Это была распространённая версия упадка Златокипящей Мангазеи – мол, виной тому стали политика Москвы, притеснение от местных воевод и истощение охотничьих угодий. Но такое случалось везде, однако нигде, кроме арктических морей, не приводило к полному прекращению всякой деятельности. Была какая-то особая причина. Она выяснилась только в наше время – это так называемый Малый ледниковый период, то есть общее похолодание Севера, длившееся с конца XV до начала XIX века. Средневековое потепление, максимум которого пришелся в Гренландии на VIII–X вв., в Исландии – на XI–XII вв., а в Англии – на XII–XIII вв., сменилось похолоданием, двигавшимся на восток. Потом опять теплело. Сначала плавать перестали викинги, затем уже и Англия оказалась страной рискованного земледелия, позже закрылись Карское море и Обская губа, а спустя ещё сто лет стала несудоходной Восточная Арктика. Палеоокеанолог Дюплесси видит причину в изменении типа циркуляции вод Мирового океана.

– Вы имеете в виду остывание Гольфстрима, Дарья Алексеевна?

– Именно это, да.

– Как сейчас?

– Нам трудно на этот вопрос ответить однозначно, ведь у нас нет точной информации, однако по результатам изменения ледовой обстановки в Ледовитом океане перед войной именно это и можно предположить, кораблям всё чаще требовалось сопровождение ледоколами. Текущие тёплые зимы в Центральном и Южном Таймыре не гарантируют дальнейшего потепления.

– Ясно, извините, что перебил.

– Ничего страшного. Малый ледниковый период даёт ответ на загадки и норильской металлургической истории, объясняя, почему всплески металлургии дискретны и почему в XVII–XVIII веках многие ключевые места, прежде густо заселённые, стали необитаемыми. То, что ранее воспринималось историками как первые шаги людей в необжитые области, ныне видится последним усилием людей удержаться на землях, ставших непригодными к обитанию после резкого похолодания. А ведь в Заполярье жили и работали... Иначе как объяснить наличие Оби, Таза, Енисея, Западного Таймыра и даже Северной Земли на некоторых картах XVI века? Иностранцев, замечу! Анализ карт с использованием палеоклиматологии позволяет признать факт раннего открытия Северной Земли, до похолодания можно было проплыть от Шпицбергена к Северной Земле и пройти дальше к Енисею. На карте 1508 года, найден-

ной Норденшельдом, контур арктического побережья рисует вполне узнаваемые Ямал, Обь с Обской губой, Гыдань, Енисейский залив и западный берег Таймыра. Однако потом начинается «гомериада»: берег не загибается от Диксона к востоку, а уходит на север до 80-й параллели. Далее контур берега вообще ни на что не похож.

– У нас в школьном кабинете географии на стенах висят такие старинные карты!

– Что? Спасибо. Карта «Tartaria» из атласа Ортелия 1570 года фрагментарно показывает, что русские названия мест от Кольского полуострова до Оби уже известны Западу. Вытянутый полуостров на месте Таймыра назван Скифским, среди населяющих его племен показаны два колена Израилева – Danorum и Nephtalitarum Chorda, а в середине озеро, которое на северо-восток пересекает река. Это похоже на озеро Таймыр и реку Таймыру, но эти «колена Израилева», что является явной данью древней картографической традиции, оттолкнули серьёзных исследователей. Да и река Таймыра течёт не так и не туда. Зато северный берег полуострова очень похож на часть реального берега Северной Земли. Широта самой северной точки полуострова лишь на четверть градуса разнится у Ортелия от истинной широты мыса Арктического, результат для середины XVI века просто отличный. В случайность такого совпадения поверить трудно.

/хлопанье дверями, кашлянье, извинения за опоздание/

– Ничего-ничего, садитесь, товарищи, поближе. Изданное в 1625 году многотомное собрание Пёрчеса «Пилигримы» содержит сведения о путешествиях в Северный океан, Сибирь и Тартарию. Русские информаторы около 1610 года рассказывали английским купцам о двух различных морских путях из устья Печоры в устье Оби: северном, напрямую через Карское море, затем вокруг полуострова Ямал, и южном, через реки и волок в средней части Ямала. Географ Берг понял, что речь идёт о различных путях, северном и южном, и отметил климатическую причину их наличия – северный путь был проходим только в периоды потеплений. Таким образом, русские уже около 1580 года плавали поперёк Карского моря – в то время там были такие же благоприятные условия для судоходства, как и в 30-х годах XX века. Поэтому те же «пилигримы» и сомневались в реальности морского пути в Сибирь, а говорили, о доступности, только о пути через Урал – в их время Карское море уже напрочь промерзло... Понимаете, товарищи? Именно похолодание, а не запреты из Москвы, скорее всего, и стали главной причиной гибели Мангазеи. Принято считать, что её сгубил царский указ, запретивший ходить через Ямальский волок, якобы в целях борьбы с возможным проникновением иностранцев. Указ имелся, да только он был излишним, потому что не было самой возможности плавать, крепкие льды сорвали снабжение Мангазеи продовольствием и обменным товаром.

/опять хлопанье входных дверей, недовольное гудение в зале/

– Товарищи, а можно потише? Просто проходите! Извините... Так. На чём мы остановились? Посмотрите на эту карту! Не существует ни единого упоминания о попытках пройти из Карского моря в Обь после 1620 года, несмотря на фактическое отсутствие контроля за волоком. Вскоре служилые люди уже не могли найти место прежнего волока среди снегов Среднего Ямала, не могли найти его и новомангазейские воеводы. Так что специально охранять Мангазейский морской путь не было нужды. Из Новой Мангазеи возить товар южным маршрутом оказалось очень долго, неудобно и дорого. Выгодна была лишь пушнина, тут уже не до бронзы...

– Пушнина и сейчас дороже.

– Умер пушной промысел, склады ещё полны.

/гул в зале, какое-то обсуждение на полминуты/

– Продолжим? Хорошо. На нынешнее потепление первым из русских отреагировал подвижник Севера, купец и член научных обществ Михаил Сидоров. Он потратил огромное состояние на создание морской торговли с Европой через устья Оби и Енисея, одним из первых разведал и начал добывать на Енисее золото и графит. Финансировал изыскания и экспедиции

по Северному морскому пути. Для начала Сидоров написал императору Александру III докладную записку, в которой указал перспективы промышленного освоения Крайнего Севера. В ответ из канцелярии прислали резолюцию генерала Зиновьева: «Такие идеи могут проповедовать только помешанные»... Чиновников убедить не смог, но нескольких капитанов, наших и западных, Сидоров всё же увлёк, и с 1876 года торговля началась. Именно он первым обратил внимание на изменение климатических условий в Арктике и в Карском море. Купец понял, что в Арктике идёт потепление, но учёные это признали только через сто лет. Пинхенсон и Визе, отметив заслуги Сидорова, ничего не сказали о климатологической основе его начинаний. Сидорова можно назвать крестным отцом Северного морского пути. Не получив официальной поддержки, он обратился в Русское географическое общество, но, по мнению академика Бэра, выходило, что Карское море – «ледяной погреб», Фёдор Литке заявил Сидорову, что морской путь к устьям сибирских рек из-за льдов невозможен. А просьба Сидорова была более чем скромна: «Принять от меня денежную сумму в 14 тысяч рублей для премирования того из русских моряков, кто достигнет морем устья Енисея».

– Как всегда, всё губят идиоты!

– Зачем же так резко? Впрочем, в чём-то вы правы... Что стало причиной столь категоричного отказа? Слушаем дальше. В 1862 году Сидоров снарядил экспедицию на «Ермаке» во главе с Крузенштерном-внуком. Как вы помните, «Ермак» раздавило льдами, команда добралась до берега и пересекла Ямал пешком, как, впрочем, и полагалось в этой части того самого старинного мангазейского хода. По совету Литке, уверенного в том, что среди русских нет моряка, способного выполнить подобную задачу, Сидоров ищет таковых в Англии. Однако англичане при подготовке получают, как бы сейчас сказали, такой отлуп, извините, от губернатора в Красноярске, что Сидорову едва удалось погасить международный скандал. Он ищет опытных мореплавателей в Финляндии, Норвегии, а находит в Швеции – профессора Норденшельда. Подбирает судно, снова обращается в РГО за помощью в снаряжении шведско-русской экспедиции, но снова получает отказ, представляете?

– Сволочи!

– Купив на свои деньги пароход «Святой Георгий», Сидоров сам плывёт к устью Енисея, но местные власти, отказав ему в лоцмане, заставляют его повернуть обратно почти от Енисейского залива. Что же происходит? Экспедиция Норденшельда состоялась, до Енисейска он прошёл благодаря деятельному участию Сидорова. Общество отметило: «Совершилось великое дело! Цель, ради достижения которой в течение целых столетий трудились великие морские нации, была достигнута горстью предприимчивых шведов!» К устью Енисея пришли уже три корабля: «Имер», «Темза» и «Северное сияние», принадлежавшие Сидорову. Так был открыт «ледовой погреб» Карского моря. Поиски прохода возобновились, и в 1878 году Норденшельд неожиданно для всех – но не для Сидорова – прошёл в одну навигацию почти весь путь, обогнув мыс Челюскин и зазимовав у берегов Чукотки. Эту экспедицию сделало возможной именно потепление, товарищи! Михаил Сидоров жертвовал громадные суммы на культурные нужды Севера, но его начинания всегда блокировались. Кому это было выгодно? Мне кажется, что причина происшедшего вот в чём... Известно, что Сидоров очень переживал по поводу иностранцев, хозяйничавших на Севере, конфликтовал со всемогущей «Де Бирс» и мощной компанией «Кох-И-Нур» из-за курейского графита, месторождения которого иностранцы просто-напросто собирались прикарманить. Стоит ли удивляться тому, что последние были кровно заинтересованы в избавлении от строптивого русского купца... Тот сетовал, что иноземные суда то и дело появляются в дельтах и реках, скупают сырьё, постоянно ведут незаконный промысел, торгуют и вывозят, прикрываясь огромными взятками и умелым лоббированием. Иностранцев не нужно было убеждать в факте потепления, вспомните, большинство северных экспедиций – сплошь иноземцы! Сидоров с ними боролся, хотел сам возить богатства в Европу. Но ему не дали.

– Дарья Алексеевна, а вы помните старый чёрно-белый фильм «Начальник Чукотки»?

– Петя, ты бы сел...

– Да подождите вы, мужики! Там всё происходило так же – иностранный торговец, взятки чиновникам, западная предприимчивость и дерзость. Европа, в отличие от России тех лет, всегда была кровно заинтересована в богатствах нашего Севера.

– Вы правы, Пётр, вот только никто из иностранцев не планировал тратить часть этих богатств на освоение региона... Так, идём дальше. Вполне можно предположить, что и норильские руды, точнее – самородки, которые геологи находили у Хараелахских гор и в середине прошлого века, скупали в целях разведки всё те же европейцы, чем не давали местным жителям забыть, где и что у них лежит. Так и продолжалось, пока в России не случились Октябрьский переворот и Гражданская война, которые напрочь отсекали возможность безнаказанного плавания и протекционизма... Правда, купцу Киприяну Сотникову некий эвенк рассказал о норильской руде, но это могло быть случайностью или следствием незабытых знаний местных, а не действиями властей. Купец, как известно, дело организовать не смог, да и государству ничего не было нужно. После тяжелейшего штурма полуострова Великой Северной экспедицией Таймыр на сто лет был забыт наукой. Настолько, что в середине XIX века в столице всерьёз обсуждался вопрос о возможности отдать в аренду европейцам всю территорию, прилегающую к среднему и нижнему течению Енисея, как совершенно бесполезную и лишь обременяющую казну. И только внук Сотникова в докладе «К вопросу об эксплуатации Норильского месторождения каменного угля и медной руды в связи с практическим осуществлением Северного морского пути» опять поставил вопрос перед расколотым надвое государством. Интересно, что он, оперируя данными экспедиций 1915 и 1919 годов, употребляет вполне сформировавшееся понятие «Норильск», как точное обозначение хорошо известного места! То есть географически Норильск уже существовал до Колчака и большевиков, хотя бы как металлургическая легенда в виде группы построек и удобных мест старых стойбищ. Об этой легенде, как выясняется, тут никогда и не забывали. Кроме того, Сотников отмечает, что возле Норильска проходит важнейший торговый путь! Вот как выходит: благоприятствовал климат и был спрос на медь – люди возили руду в Мангазею к русским или на Енисей к заезжим иностранцам. На юг к киргизам и на восток к якутам. А знали и помнили об этом всегда. Всё определяли лишь возможности сбыта. Их же диктовал климат и, увы, иностранцы. Или сами брали, или нам препятствовали. Лишь этими двумя факторами были обусловлены провалы в поздней истории норильской меди. Конечно, перед войной и эпидемией уровень развития технологий позволяли норильчанам не зависеть от капризов природы, хотя медью и никелем они всё так же торговали на иностранных биржах. Кто же знал, что так получится, и Северный морской путь опять закроется на неопределённое время...

– Но у «Норникеля» же были свои сухогрузы ледового класса! У них ещё под днищем подруливающие колонки такие, как их там...

– Азиподы. Ты же речник, должен знать.

– Точно, Василий Яковлевич! Азиподы.

– Увы, товарищи, сейчас ледовая обстановка такова, что для проводки каравана морем потребуются полноценные ледоколы, атомные. И даже им придётся нелегко. Но, как вы понимаете, большая часть атомоходов, скорее всего, стоит на приколе в далеком Мурманске, хотя какое-нибудь судно вполне может дрейфовать во льдах.

– Да ещё и с незаглушенным реактором, упаси господь!

– Типун тебе на язык, Игорь.

– А я что? Я ничё, просто прикидываю варианты.

– Хорошее бы чего прикинул.

– Разрешите, товарищи, я продолжу? Кроме того, подобное плавание, даже если его удастся осуществить, по сути, представит собой путешествие из одного северного района в

другой, в сильно страдавшие Мурманск либо Архангельск... Нет никакой уверенности в том, что удастся организовать снабжение. Есть ли там сообщение с южными районами? Кто этим станет заниматься? Вопросы, вопросы...

– Мужики, вот мне интересно, а почему норильчане не могут по зимникам снабжение организовать? Сперва на Гыдань, а потом и южнее.

– Какие там зимники, Федя, что ты, как ребёнок... Ни GPS с ГЛОНАССом нету, спутниковых телефонов тоже. Рискованно и очень долго. Малую авиацию угробили в своё время, не возродили, а где теперь лётчиков найти на большой самолёт? Да и не полетишь никуда наобум, так тебя и ждут, ага.

– Выходит, теперь только по Енисею, Василий Яковлевич?

– Выходит, что так, Фёдор, с нашей помощью, если всё получится... Никуда им не деться. Ладно, давайте похлопаем нашему лектору. Когда следующая будет, Дарья Алексеевна?

– Как всегда, в следующую субботу.

– А во сколько?

– Мужики, есть мысль!

– Начинается...

/далее разговор в зале быстро ушёл в сторону, совершенно не касающуюся заявленной темы лекции/

Глава 1

Фиджи – Красноярск. Транзит

Алексей Георгиевич Исаев.

Двадцать восемь лет, москвич, не женат, образование высшее.

Контрактник, старший сержант спецроты егерей Третьей Арктической бригады.

Ныне командир временной коммерческой плавгруппы «Таймыр» общины посёлка Подтёсово.

Что это был за звук?

Короткий сухой хлопок вдалеке заставил меня повернуться и глянуть в окно. На выстрел не похоже. Наверное, какой-нибудь щит упал. Ну и пёс с ним, на улице вечно что-то падает. Привстав, я ещё раз посмотрел в сторону, откуда предположительно донёсся звук хлопка, и вернулся к прежнему медитативному занятию.

На кухне моего временного убежища тоже имелась карта мира.

А на ней Фиджи – мои острова. Мой архипелаг, заветный, родной, я вырос среди этих кусочков суши, затерянных в бескрайнем океане. Сколько себя помню, Фиджи всегда был рядом, с самого детства. С того самого момента, когда непоседливому чаду определили место за семейным обеденным столом, над которым висел огромный кусок ламинированного картона. Рядом с Фиджи, между столешницей и окном. В любой момент можно потрогать рукой, представить себе эти бесконечно далёкие земли.

Я всё знаю о Фиджи, начитался. Изучил, как дом родной, а как же ещё? В период опьянения великими книгами о деяниях великих же путешественников острова архипелага мне снились, как будущее место необыкновенных личных приключений. А в зрелом возрасте Фиджи стал местом несбыточного отпуска. Кто из нас не мечтал зимой о бездельно-беззаботном, ленивом до предела отдыхе, да не в ближнем зарубежье, а в какой-нибудь по-настоящему дальней экзотике, на красивом островке, среди высоких пальм, склонённых над набегаящими волнами и мелким белым песком тёплого моря. Чтобы потом рассказать друзьям уникальное. А теперь представьте, что вы постоянно прикасаетесь к мечте. Зима за окном, лютый мороз, пурга, а тут карта... В пятницу вечером, после трудов праведных. Ты дома, семьи пока нет, идти куда-то лень. Глянул, надписи в тысячный раз почитал, легко, пока молодое зрение позволяет, томно вздохнул, представляя лёгкий тёплый ветер в коротком ёршике волос, и глупо позавидовал: «Вот ведь подлость какая, кто-то же сейчас садится в огромный пассажирский джет и летит туда! А ты здесь мнёшь старым стулом мягкие домашние штаны».

Везде, где я жил, пусть даже и временно, недолго, на кухне висела карта мира. А садился я всегда со стороны Фиджи. Мечтал. Высчитывал, планировал, деньги собирал... Да, перелёт туда непросто, адской продолжительности и довольно дорогой. Не просто там оказаться туристу, они на Фиджи и появились поздно. Хотя архипелаг был открыт Абелем Тасманом ещё в 1643 году, нога первого миссионера ступила на острова только в 1835-м, а первые туристы появились вообще недавно. Почему? Чёрт его знает. Может, виной тому стали записи исследователей о страшных каннибалах, для Фиджи это вовсе не сказочки, а реальное историческое прошлое. Уж здесь европейские миссии в кровь расшибались, поработали на славу, убеждая местных принять христианство и перестать питаться человеческими жертвами! Отсутствие туристов столь долгое время можно объяснить инерционным страхом за свою жизнь, начитались белые люди, наслушались. В новейшее время туристам там были только рады, ждали, в том числе и меня. Но я не приехал.

Интересно, как там сейчас? Закрылись, поди, от всех приезжающих... Отстреливают дурных на подходе, топят суда, если сами не вымерли. Кто знает, как показал себя на дальнем юге страшный коктейль «мировая война плюс вирус»?

Какое-то время я не дёргался, считая, что Фиджи – место отдыха миллионеров, к пляде которых в обозримой перспективе мне примкнуть не суждено. Потом эта отмазка испарилась, потому что выяснилось: кроме элитных, там работала куча бюджетных отелей с простенькими бунгало от пятидесяти баксов за сутки, включая завтрак и бар, где при удаче можно вмазать даже стакан-другой местного напитка ягона. Говорят, что вкус у него не самый приятный, но после третьего стакана это уже не очень-то и важно, ягона – что-то среднее между алкоголем и легкими наркотиками.

Обычные фиджийцы из соседних деревень всегда подскажут, куда стоит метнуться на экскурсии, где можно вкусно и дёшево отведать нереальные блюда: рагу из всяческой ползающей нечисти, завёрнутой в банановые листья и испечённой в подземной печи, и даже варёную летучую мышь, помню, как вздрагивал от такой... Сейчас что-то не пугает, и не такое в бригаде едали.

Всё там есть: двадцать восемь аэропортов, хотя загружены только четыре, а автомобили присутствуют лишь на двух островах, на других просто нет автодорог. И это хорошо, можно почувствовать всю прелесть жизни за другими пределами другой цивилизации. Свои медвежьи уголки я изучил. Не помню уже, в каком году это было: Россия и Республика Фиджи подписали договор о безвизовом режиме – с этого момента я настроился серьёзно и начал копить по-настоящему. И почти полетел! Но тут начались международные напряги, общемировой кризис, резкая смена приоритетов, контракт с Арктической бригадой, служба, война... Со всеми вытекающими.

Склонил голову, ещё раз посмотрел на архипелаг – вот он, родимый. Отчего-то я знал, что на этом месте всегда сидел мужчина. Или мальчик.

– Вот и не свиделись... Какого чёрта выжидал?

А ещё на архипелаге проходит линия смены дат, вот где романтика! На островах есть специально оборудованное для туристов место: левая нога всё ещё пребывает в дне вчерашнем, а вот нога правая уже живёт в завтра.

И ты оказываешься одновременно во вчерашнем и в завтрашнем дне.

«Если стартовать прямо сейчас, как Миклухо-Маклай, древним транспортом на перекладных, то к старости, может, и успеешь добраться», – задумчиво предположил я.

Левая рука медленно потянулась к карте, указательный палец погладил пожелтевший ламинат и сразу дёрнулся назад, заусенец, зараза! Мелкий, но вредный, надо сразу убрать, раз заметил.

Солнечные лучи уже сместились, Фиджи помрачнел, уходя в тень.

– Можно добраться, можно... – повторил я вслух с упрямством осла, при этом осознавая, что это просто слова, брошенные в пустоту.

Достал ножик. Многопредметный «Викторинокс», нужная вещь. Вот сейчас, например. Есть ножнички и пинцет.

Что, опять? Нет, это был не щит. За окном кухни, выходящим на чуть парящий Енисей и Коммунальный мост, послышался на этот раз безошибочно распознанный мной звук не очень далёкого одиночного выстрела. Винтовка. Да, значит, и недавно была винтовка. Ещё одна новость: стрелок приблизился.

Кругом опасности.

– Доберёшься до Фиджи, ага. Если по пути не сожрут, сволочи... А могут! – пожаловался я смуглой от загара красоте-брюнетке с календаря, висевшего на стене сбоку от холодильника.

Кто это, они? Кто угодно, островные папуасы-синяки. Да и обычные человеки вполне могли вспомнить былые практики прадедушек-островитян, с них станется, живаком схавают.

Несколько лет назад, между прочим, на Фиджи каннибалы съели переселившуюся на острова русскую семью, решившую заняться в экзотике фермерством. Части тел были найдены в море приотпленными в рыболовных сетях.

– А что, клёво. Фиджийские синяки-людоеды, полный фарш.

И ещё один выстрел. Да что там происходит, ёлки?!

Я осторожно встал со стула и выглянул за открытую створку стеклопакета, пока не ошущая особой тревоги. Не заполошно этот неизвестный стрелок сажает, вот что я слышу. Явно кого-то отстреливает, не на бутылках же тренируется. Не те времена, чтобы так патроны тратить. Бывает, что людей одолевают одичавшие собаки, и стрелки в таких случаях стараются прицельно вышибать вожаков стаи, что сделать весьма непросто, собачьи командиры всегда умные и хитрые, естественный отбор. Много в пригородах почти безжизненного Красноярска одичалых собачьих стай. Не успевают синяки и оставшиеся люди их изводить... В лес псы суются редко. Там их режут волки и рвут медведи, так что стаи стараются держаться ближе к привычному городу. Тайгу собакам не завоевать, своих хищников хватает.

Надо бы собираться в путь, да не могу. Где-то поблизости бродит синяк.

С учётом того обстоятельства, что синяки-одиночки в живой природе давно уже не водятся и все они собрались в племена, можно сделать только один вывод: это не просто синяк, а разведчик племени.

Палить отличный схрон под кодовым названием «Фиджи» мне совершенно не хотелось, стрелять, привлекая внимание его дружков или ещё кого-то, тоже. Снять без шума? ПБС, то есть прибора беспламенной и бесшумной стрельбы, или попросту глушителя, у меня нет.

Местные умельцы в Подтёсове пытались собрать пару работоспособных конструкций, но пока у них получались тяжёлые и неэффективные устройства, их быстро разбивало. Несерьёзно. Что поделают, не имели никогда люди дела с глушителями... Я, впрочем, тоже не диверсант. Автоматы АК-74М, штатное оружие егерей бригады, ими не комплектовались, не было у нас в спецгруппе таких задач, этим другие ребята занимались. Некогда бесконечно богатый справочно-оружейными ресурсами интернет исчез, на сайтах не подсмотришь, так что да здравствует метод ненаучного тыка, смягчаемый смекалкой и здравым смыслом, вот только помогает он не всегда. Фабричный глушак добыть пока не получилось. Ушлый и скользкий человек, посредник группы каких-то бандюков, севших на оружейную тему, давно уже обещает достать «Вал» или «Винторез», но, похоже, всё это чистой воды болтовня. Он ведь сам говорил, что редкие экземпляры такого оружия ещё в самом начале всеобщего упадка уплыли в совершенно неизвестном направлении. Да я особо и не надеюсь... Деграция бестолковых бандгрупп идёт с такой скоростью, что ещё неизвестно, выжили эти гангстеры или нет. А вот два новеньких АК-74М и один АКС-74У вчера от него получил. И два цинка патронов. Нервно было.

Добыча предназначена для вооружения мужиков общины, прежде всего патрульных. Отличная машинка, этот АК-74М, но сейчас я такой автомат себе не возьму. Есть личный АК-103, добытый ещё в апреле, большая редкость. Как привычно врёт мой контакт, оружие было подрезано из личной коллекции какого-то там полковника.

Почему не возьму? Потому что «семёрка» – самый ходовой калибр, вот и вся хитрость. В тайге и на северах у каждого второго аборигена имеются карабины СКС или калашоиды, старые добрые мосинские модели и малокалиберные винтовки калибра 22LR. Вот три типа нарезных патронов, которые у нас всегда можно найти или при случае выменять. В затерянной избушке, на заимке и в зимовье запросто можно отыскать захоронку с мешочком, в котором будут позвякивать с десятков патронов одного из этих калибров, припасённых на всякий случай. А вот «пятёрки», то есть патроны калибра 5,45, на Енисее не знают, не прижились они в гражданском обороте, просто ни к чему были. Не знают их таёжные люди и не имеют. То есть

весь запас патронов в любом рейде владелец АК-74М должен носить с собой, и это риск. А ну как лодка перевернётся?

В принципе, любой АК – вещь не для охоты, замаешься подранков добирать при стрельбе на средних дистанциях. Хотя вблизи тот же АК-74М вполне убийно работает даже по белому медведю, проверено, шпигует мишень пулями в секунды, тут никакой зверь не выдержит. Но для охоты на лося или оленя разумнее брать СКС или «мосинку».

Пожалуй, я не стал бы стрелять по бродячему поблизости синяку, даже имея годный глушитель. Болевой порог у синяков повышен, будучи ранен, синяк обязательно взъярится и вполне может начать свистеть. А свистят они настолько громко, что могут конкурировать с туманными sireнами подводных лодок. Так что лучше подождать, пусть уйдёт спокойно.

Старательно орудуя маленькими ножничками, я отрезал заусенец, покатав по коже пальцами – не цепляет, подмигнул глянцевої девице и тупо уставился на магнетики традиционно облепленного ими холодильника, на которых были изображены какие-то избыточно яркие итальянские пейзажики. Былая *Dolce vita*. Вот и центральной магнит – пошлый бутерброд с чёрной икрой...

Пш-ш... Сканер поймал чью-то несущую частоту, но задерживаться на ней не стал, побегал по диапазону дальше. И вдруг почти сразу – щёлк, и короткое шипение! Рация на столе прекратила сканирование и ожила, поймав начало вызова.

– Шестой, – буднично произнёс какой-то мужик.

Хороший сигнал. Вызывает, или это его позывной? Не совсем удачный, неразборчивый. В позывных должны быть твёрдые звуки. Я замер, ожидая ответа респондента, но его всё не было.

– Шес-той, – уже отдельно заявил человек в эфире. Как-то устало.

Нет ответа.

Тогда и мне не стоит высовываться. А частоту запомним.

Больше попыток переговоров не было. Время уже перевалило за полдень, в небе висело жаркое светило раннего таёжного лета. Значит, солнечные батареи на крыше исправно набили аккумуляторы энергией. Можно заварить кофе. Крепкий и сладкий...

...На Торгашино есть где развернуться. Частный сектор, дачи, карьер с тяжёлой техникой и взрывчаткой, всё никак туда не доберусь. А за горой, через Полигон, дома отдыха и Базаиха. Чудесный кирпичный дом на склоне перед Торгашинским хребтом в своё время мне сдал с потрохами и рекомендациями живущий теперь в Подтёсове хороший мужик Коля Спицын, опытный вездеходчик, некогда работающий вахтовым методом в «Полюс-Золоте». Это его хозяйство. Наверное, теперь уже бывшее.

Кофеёк приготовил быстро. Глотнул у окна, присмотрелся. Ну и где он же бродит, синяк болезный? В последний раз болтался рядом, на улице Подъёмной, затем разведчик переместился в сторону Радужной, весёленькое названьице у улицы.

Домина, на втором этаже которого я сидел, был капитально оборудован зелёными технологиями, перед войной прямо поветрие пошло, многие ударились их внедрять. Многие же в зелёное чудо и не верили. Но теперь новации очень пригодились. Удобно тут, это редкость. На крыше чернеют большие открытые баки с дождевой водой, благодаря чему я всегда могу, пропустив её через фильтр, попить, помыться и комфортно сходить в туалет. Надеюсь, вы представляете, как это важно иметь ватерклозет. Баки греет солнышко, когда оно есть. Напрямую. Родников в районе много, причём вода в них отличная. Николай с соседями тянули от ближайшего пластиковую трубу, да недотянули. Хорошая была идея. Сам я закончить работу не могу, тут нужно как минимум три человека, чтобы двое впахивали не покладая рук, а один стоял бодренько на фишке. Нет пока такой возможности, в дефиците люди.

Глубже в горы и леса пройти не так-то просто, на машине там хреново, даже на ульяновском пикапе. Есть всего несколько дорог, порой пересекающихся между собой. Имеются искусственные озёра, лес и ручьи, питающиеся от родников и озёр, но много и заболоченных мест. Лес возле дач в плане прохождения паршивый, в основном лиственный, сплошные овражки и каменюки навалами. Ближе к Базаихе уже начинаются сосняки и ельники. Речка Базаиха – это правый приток Енисея длиной более сотни километров, впадающий в реку через микрорайон Красноярска с одноимённым названием, который сочетает в себе преимущества загородной и городской жизни, это манило. Расположен красиво, возле границы заповедника «Столбы», в экологически чистом месте, где жители могли наслаждаться лесными прогулками и красотами природы.

Согласно народной легенде, Базаиха – принцесса, старшая дочь царя Енисея, которую князь Токмак не захотел взять в жены за скандальный нрав. Действительно, нрав у горной реки крутоват: то вздуется, смывая в паводок мосты, то обмелеет до состояния сплошного брода. Поблизости расположен парк флоры и фауны «Роев ручей» с сибирскими и экзотическими животными. Район стал престижен после открытия современного фан-парка «Бобровый лог», там горнолыжный курорт. Если двигаться от старого посёлка вверх по речке, ближе к территории пионерских лагерей, то попадёшь в зону дорогой земли, где встали пафосные коттеджные посёлки. Но мне этот вариант не подходит, слишком далеко от Енисея. А вот небольшая дружеская община там живёт автономно, пару раз я к ним ездил.

В дачных районах Красноярска со временем образовались соседские сообщества, частные хозяйства, владельцы которых подзуживали друг друга на автономность, постепенно они обрастали системами, основанными на использовании возобновляемой энергии. Компания единомышленников Спицына этим делом начала заниматься давно.

Практика развеяла иллюзии многих. Солнечная энергетика на деле оказалась достаточно дорогим удовольствием. Несколько лет этот небольшой куст-квартал, отключившись от городской энергосети, честно пытался жить в автономном режиме. За это время людьми покупались и эксплуатировались различные инверторы, контроллеры, генераторы, ветряки и, конечно же, солнечные панели. Прошёл достаточный срок, чтобы Николай смог отделить рекламное враньё от реально пригодного, сделать трезвые выводы и рассказать об этом в Подтёсове, где после катастрофы тема стала очень востребована. Мы готовились к самому худшему. Разные слухи ходили, и один был страшнее другого... То сообщат, что по Новосибирску применено тактическое ядерное оружие, то пройдёт слух, что на магистралях южнее города разрушены все мосты. Людей пугало всё: ожидание радиации и новых болезней, возобновление боевых действий и таёжные пожары, с которыми будет невозможно справиться силами небольшой общины, возможное нападение бандгрупп, нехватка медикаментов и, конечно, порча со временем жидкого топлива всех видов.

Порча топлива... С этим страшноватым понятием сложилась интересная ситуация. Согласно советскому ГОСТу от 1977 года, гарантийный срок хранения бензина составляет пять лет. Однако этот стандарт давно был аннулирован, и по действующему ГОСТу от 1997 года он равен уже одному году с даты изготовления для всех марок. Так что, как и у обычных продуктов питания, у топлива тоже есть свой срок годности. Тут есть такой момент: в советскую пору не было высокооктановых видов топлива и технологий их получения. Повсеместно был распространён простой прямогонный бензин, чем и можно объяснить его длительное хранение.

Бензин – не самое простое вещество. В его состав входят различные углеводороды, количество и вид которых определяется технологией изготовления, и многочисленные присадки. На момент отпуска с завода продукция соответствует предъявляемым требованиям, а вот дальше она начинает изменяться, что вызвано несколькими факторами. Прежде всего это испарение. В бензине есть легколетучие фракции, добавляемые для повышения октанового числа.

Вероятность изменения тем выше, чем больше срок хранения у горючего, и не в сторону улучшения характеристик – при испарении летучих веществ нарушается соотношение между фракциями, падает качество. Второй важный фактор – окисление. В нашем мире, основанном на реакции окисления, почти всё взаимодействует с кислородом, в том числе и бензины, в них образуются смолистые вещества. Со временем их количество растёт, топливо портится, а его использование приводит к отложению смолы на трубопроводах, резервуарах и увеличению нагара в цилиндрах и на свечах зажигания.

Ни один нефтетрейдер или связанный с топливным бизнесом человек не скажет правду о сроке годности брендовых бензинов. Срок хранения присадок, добавляемых в такое топливо, тоже неизвестен, и они имеют склонность к быстрому испарению. Как рассказал один моторист, работающий с дорогими машинами, различного рода «премиумы» начинают терять свойства уже через пару недель после того, как их перелили в другую ёмкость. Учитывая, что они до этого хранились и путешествовали не один день, выходит, что запастись таким бензином нет смысла, разумнее хранить обыкновенный бензин без добавок, а присадки прибавить для заливки непосредственно перед заправкой в бак.

Повышенная температура усиливает испарение и окисление, поэтому хранить топливо нужно в тёмном прохладном помещении и в металлических ёмкостях. В таких условиях оно может без изменения характеристик находиться и более года.

В общем, как удалось выяснить, в наземных резервуарах бензин хранится три года, в заглублённых – три с половиной, в автоцистернах и бочках – два года, а в канистрах – всего год. С соляркой дела обстоят гораздо лучше: максимальный срок её хранения составляет десять лет в специальных резервуарах и пять – в автоцистернах и бочках. Примерно столько времени и отпущено всем выжившим общинам на решение предстоящих энергетических проблем. Поэтому «зелёный» опыт Николая для нас ценен.

Выводы его были таковы. Очень важно, где ты проживаешь. На какой широте и в каком климате. Лучше всего этим зелёным делом заниматься в Сочи. А вот в Красноярске, особенно осенью и зимой, солнечных дней маловато. Поэтому в самое холодное и тёмное время года, когда электроэнергия нужна в максимальном объёме, заряжать аккумуляторы солнцем не получается. В это время работает генератор, приходится жечь бензин, что, согласитесь, совсем не зелено и не экологично. Шум работающего агрегата, вонь выхлопа и хранящегося бензина, регулярная заправка бачка... Радоваться нечему.

Самым слабым звеном в солнечной энергетике, как было и много лет назад, остаются аккумуляторы. Покойный Тесла так надёжно спрятал свой волшебный чемоданчик с секретными патентами и открытиями, что чуда не произошло, срок их службы – шесть лет. На деле же аккумуляторы выходили из строя значительно раньше, могли скиснуть и за три года. Гелевые аккумуляторы полностью разочаровали адским ценником при сомнительных преимуществах, многие перешли на обычные автомобильные. В итоге Спицын использовал продукцию «Варты», выбрав их за удачное соотношение цены ампер-часа, возможность восстановления и надёжную работу в морозы. Но и тут есть нюанс: при эксплуатации аккумуляторов нельзя опускать в них напряжение ниже двенадцати вольт, на вольтметр зимой приходится смотреть, как на градусник. Чуть что, бегом запускать генератор. А это нервы и геморрой.

Гнаться за мощностью бесполезно, инвертор на три киловатта брать уже бессмысленно. Он быстро высосет всю жизнь из аккумулятора, когда солнце зайдёт за тучки, а нагрузку вы снять забудете. Три-четыре оплошности, и начнётся сульфатация аккумулятора. Лучше уж сразу привыкнуть к тому, что серьёзную нагрузку – колодезный насос, пылесос, стиральную машинку, утюг, электрочайник и электропилу – придётся запитывать от генератора, которых владелец поместья испытал немало, сейчас стоит уже шестой по счёту, это новенький «Вепрь» на 2,7 кВт с хондовским движком. Им Николай доволен. Агрегат отличается умеренным потреблением бензина и надёжным запуском зимой. Самым капризным оказался Hitachi,

зимой он заводился тяжело, а потом в самые морозы случилось ЧП, выдавило сальники. Да и расход бензина у пятикиловаттной модели оказался великоват. Генератор лучше брать с оптимальной мощностью, чтобы и стиральную машину потянул, а это примерно 3,5 кВт.

Все лампочки в доме и во дворе светодиодные. Свет тёплый, относительно недорогие, Коля закупал их коробками, по дисконту, в супермаркете по соседству. Служат надёжно и долго, если не попадётся явный брак, такой риск всегда есть. К лампочкам, которые стоят в коридорах и других малоиспользуемых местах, таких, как прихожая, ванная комната и туалет, прикручен датчик движения. Многие так сделали. Особенно радует его работа на крыльце. Подходишь тёмным вечером к родному дому – щёлк! Пространство под козырьком цивилизованно озаряется светом, приятно. Но сейчас чудо-датчик отключён, мало кто теперь ночами хочет светиться на всю округу.

Солнечные панели – первое, на что обращаешь внимание в энергетике, пафосно называемой «зелёной». Было много мечтаний, но все они в реальных условиях Красноярска оказались напрасными. В солнечный день любая панель очень быстро набивает аккумулятор, а энергию, льющуюся через край, отсекает контроллер. Таким образом, в солнечный день панели большую часть времени работают вхолостую. А зимой, да ещё и в пасмурную погоду, никакая панель не выручит. Так что долгим зимним вечером даже экономный ноутбук и освещение быстро сажают аккумулятор, приходится идти и дёргать генератор. У Николая стоят панели на четыреста ватт, и он счёл это значение оптимальным. Большее число панелей ставить целесообразно, если автономная система через счётчик подключена к городской энергосистеме, а зелёные киловатт-часы аккуратно идут в зачёт. А зимой идёт обратный зачёт, всё по-честному. Но нашим энергокомпаниям такая схема была неинтересна, им требовался только сбыт. Так что огромное количество зелёной энергии просто отсекалось.

Панели в хозяйстве Спицына поставлены грамотно, вертикально, так, чтобы зимой не мучиться с их очисткой от снега, который отсекает практически весь солнечный свет.

Ещё один элемент энергосистемы дома – солнечные коллекторы, тут энергия нашего светила используется по полной. Контроллеры ничего не отсекают, всё идёт на обогрев, это ещё два бака по сто литров, нагревая воду до девяноста градусов. Пожалуй, на посту «Фиджи» это самая надёжная часть системы. Когда я горячей водой мою посуду или принимаю тёплый душ, то чувствую себя абсолютно счастливым. Разбор воды у меня небольшой, даже если начинается редкая готовка, так что проблем нет. Горячей воды столько, что часть её зимой я отводил в батареи отопления. Весной, когда солнца уже много, а ночи ещё холодные, пара водяных батарей вполне справляется с обогревом. Поэтому для Сибири энергия солнца это прежде всего солнечные коллекторы.

Богатый опыт Коли был использован в Подтёсове ещё в самом начале первой зимы постапокалипсиса, когда мы эти системы взялись монтировать и адаптировать. Здесь же, на окраине Красноярска, перед самой катастрофой пошли разброд и шатание. Члены зелёного сообщества, устав мучиться, спрятали генераторы в чулан и начали опять подключаться к центральной энергосистеме. Вокруг стало тише, а света больше. Но Николай не сдался, а мне повезло, получил отличную базу. На самом деле всё было предсказуемо. Солнечная энергетика – это действительно хорошо, но только летом, в Сочи, в Краснодаре и в Крыму, в маленьком дачном домике. Зимой же в наших краях всё едино приходится гонять генератор, а это достаточно дорого и неудобно. Многие ожидали, что в продаже вот-вот появятся действительно недорогие, но большие аккумуляторы, до пяти тысяч ампер-часов. Не дождались.

Однако есть у солнечной энергетике свой несомненный плюс. Суперплюс! Она хороша тогда, когда вы находитесь в безвыходной ситуации и к ЛЭП подключиться невозможно в принципе. Как, впрочем, у всех нас, выживших, здесь и сейчас.

Во дворе усадьбы, спрятанной за высоченным кирпичным забором, разбит небольшой яблоневый сад, малинник и огородик, не так давно я в нём в очередной раз поковырялся. Без фанатизма, летом часто заезжать сюда всё равно не получается. Один угол двора занимает красивая банька, которой я ни разу не пользовался – одному опасно, как в мышеловке. В другом красуется огромный сарай современного дизайнера, там есть много чего полезного, в том числе и запас топлива в бочках. Отдельно стоящий гараж сейчас пуст.

Смотался он? Я повернул голову налево и вниз.

Мой ульяновский пикап стоял напротив распашных двустворчатых ворот, во дворе, храня в кузове ценный груз, в котором добытое оружие было далеко не самой большой ценностью. Сейчас с оружием особых проблем нет, и все, кто хотел, давно им обзавелись. При желании можно себе хоть БТР добыть, и даже танк. Только что ты будешь делать с таким богатством? Что дальше-то? Штурмовать несуществующие крепости, грохоча на всю округу, раздражать спрятавшихся, которые, рано или поздно, саданут тебе в борт из гранатомёта, и сжигать драгоценное топливо сотнями литров? Ну-ну. Кому ты тут нужен на танке...

А я нужен многим. И группа моя нужна. И наша база флота Подтёсова, причём без слова бывшая.

Тьфу ты, паразит неугомонный, свалишь ты наконец-то? Всё готово для ухода. Плюнуть на него, что ли, и пойти буром? Время-то идёт, на главную базу мне нужно прибыть засветло. Подняв с подоконника бинокль, я принялся снова оглядывать тесноту дачных улиц и почти сразу хлопнул по подоконнику от радости – зловерный синяк уходил прочь крадущейся походкой, можно ехать. Торопясь зашторить окна, отключить системы и закрыть двери, я очень неудачно приложился коленом в косяк, а потом локтем снёс со стола вазу с цветами. Ваза была пластмассовая, цветы – засохший веник, для интерьера, а не для души, так что урона базе «Фиджи» я не нанёс.

Во дворе было тихо.

Почти новенький «Патриот» матового серого цвета завёлся с пол-оборота, тихо заурчав бензиновым двигателем, специально подобрал такой, чтобы меньше шумел. Но скоро мне предстоит переходить на дизель, учитывая грядущие проблемы с бензином, ведь один год хранения топлива, считай, уже прошёл.

Выгнав транспорт на улицу, я закрыл тяжёлые и высокие распашные ворота и уже собирался лезть в кабину, когда услышал в редколесье, что повыше, треск ломаемых сучьев. Кабарга, скорее всего. Их и раньше можно было встретить в сорока километрах от Красноярска, а в заповеднике «Столбы» ещё проще. Одно время выбегающих из заповедника зверей изводили в погоне за ценными пантами и железами, потом ситуацию взяли под контроль.

Пару недель назад, в свой прошлый визит на «Фиджи», я встретил целое семейство на Базаихе недалеко от Камарчаги, по левому берегу, где некогда была закрытая часть заповедника «Столбы», на Янтарных Лугах, и столкнулся, одна кабарга чуть не врезалась в пикап. Ещё одну видел рядом с базой, сразу по приезде. С выстрелом я тогда замешкался, засмотрелся, если честно, а потом времени для охоты не было, о чём я неоднократно пожалел, консервация надоела смертельно. И хотелось бы, да плановые заботы загрызли, график очень плотный. Нет времени и сейчас. Если бить эту кабарожку, то её нужно сразу же беловать и буторить, то есть снимать шкуру и аккуратно вытаскивать ливер. Погоды стоят жаркие, иначе мясо быстро испортится. И заниматься консервацией, тут вариантов немного. Холодильников и погребов с мерзлотой нет, остаётся варка тушёнки, копчение в полусухие полоски типа юколы либо закладка в солонину.

– И чёрт с тобой, живи, красавчик, – добродушно проворчал я, устраиваясь на сиденье и перетягивая открытую кобуру с ПМ поудобнее.

Свой автомат положил рядом, остальные лежали на заднем диване в большом воровском мешке серого цвета, в котором мой контакт их и притащил на встречу. Хорошо бы присоба-

чить к потолку кабины кронштейны с зажимами, чтобы крепить там автомат, но здесь я их не сделаю. Причина всё та же: имеются более важные дела, а в Подтёсово эта хорошая и пока безотказная машина, увы, никогда не попадёт. На катер КС-100 пикап не поставишь. Нужно либо ждать угона какого-нибудь судна посерьёзнее, в чём пока нет необходимости, либо забить и не морочиться. Тем более что джип в Подтёсове у меня есть.

Генеральный груз для изолята сложен в кузове и бережно укрыт тентом из ПВХ. Вроде бы ничего не забыл.

* * *

Пикап медленно поехал вниз.

В городе сейчас, так же, как и в подступающей к Красноярску тайге, действуют относительно простые правила дикой жизни. Не нужно быть слишком осторожным, шарахаясь от каждого неожиданного шороха, так ты показываешь себя как потенциальную жертву, проявляешь виктимность. Пешком сейчас, пожалуй, перемещаются только синяки, но и тут по аналогии: не нужно двигаться перебежками, постоянно озираясь по сторонам с выпученными глазами. Однако и контрповедение противопозаказано, не стоит ходить ничего и никого не боящимся гоголем, так себя даже волки не ведут. Разве что лоси в период гона... Будь в серединке, в общем, не высовывайся лишний раз, и всё будет нормально.

Хотя тут есть существенные отличия от таёжной или тундровой жизни, и основное, на мой взгляд, это акустическое поле вокруг тебя.

В тайге или тундре человеческое ухо довольно быстро запоминает все естественные природные шумы, учится их фильтровать, и тогда включается некий звуковой сторож: ты пропускаешь мимо ушей всё привычное, но сразу же реагируешь на любой незнакомый звук – верный признак возможного постороннего присутствия, вторжения. В черте городской застройки такое практически невозможно. Здесь слишком много шумов. Постоянно хлопают под ветром входные двери и ворота гаражей, скрежещут жестяные листы, катаются стеклянные и пластиковые бутылки, скрипят петли. Периодически на тротуары и проезжую часть валятся деревья и фонарные столбы, рекламные щиты, перетяжки и вывески. Разбиваясь в острые брызги, опасно падают на потрескавшийся от мороза и солнца асфальт оконные стёкла, куски штукатурки или лепнины, ведь без человеческой заботы любой, даже самый благополучный мегаполис, как выяснилось, стремительно стареет и разрушается. Я и сам удивился, оказывается, у коммунальных служб было так много ежедневных хлопот по поддержанию сложнейшего городского хозяйства в порядке, казалось, что всё сделано надёжно, на века, и способно простоять без человека целую вечность. Всё не так. Всё рушится. Некому поправить, заделать, отремонтировать и устранить.

Эти звуки постепенной городской деградации порой невозможно идентифицировать достаточно точно, и уж тем более не получается однозначно связывать их с действиями непрошеного гостя. Отчего эта калитка по соседству или дверь в дальнем конце коридора скрипнула? Ветер шалит или оголодавшая собака шастает? А если там синяк?

Неопределённость везде. В итоге ты постоянно находишься в повышенном напряжении, в стрессе. Так что, нет уж, в тайге мне легче.

Я быстро выскочил к улице Электриков, затем уже медленно, с осмотром свернул на Партизанскую и дворами поехал дальше, выходя к нитке железной дороги, где рядом с остановкой «Юбилейная» выломанные кем-то в звукозащитном экране проёмы вели к дикому переезду, вполне пригодному для внедорожника. Попад на Семафорную, я успокоился, решив, что уже почти на месте. И зря.

Подъезжая к перекрёстку с улицей Судостроительной, я по привычке остановился за небольшим павильоном. Нельзя сразу выскакивать на плохо просматриваемое издали откры-

тое пространство, как не нужно в тайге сразу выбегать на красивую зелёную поляну с лютиками. Не торопись. Никто же не мешает тебе сначала посмотреть да послушать, что там и кто... Вот и смотри, целее будешь. Я заглушил двигатель и, благодаря открытым форточкам, почти сразу услышал слабое стрекотание приближающегося скутера и более громкий звук автомобильного дизеля не первой свежести.

– Вот вас тут только и не хватало!

Сине-белый скутер показался первым. Меня ездок заметить не мог, даже проезжая мимо, разве что если обернётся и посмотрит целенаправленно. Не первый, и дай бог не последний, раз тут останавливаюсь, всё выверено. Вооружённый ружьём наездник видом своим сильно диссонировал с простеньким китайским аппаратом. Это был вполне нормальный матёрый байкер, весь в чёрной коже с защитой, всё капитально. Шлема нет, бандана. И худой, вернее, подтянутый, жилистый. Мне чаще попадались байкеры толстые, упитанные. Наверное, это связано с дороговизной такого хобби, это формат среднего класса и выше. А там толстячков хватает, в том числе в силу груза прожитых лет, потребных на обретение материальных и финансовых благ, да и по причине малоподвижного офисного образа жизни.

Мне кажется или я его уже где-то видел?

В любом случае на владельца цветастого скутера брюнет-незнакомец похож не был, транспорт он явно взял у кого-то или подхватил на время бесхозный, ничейной техники хватает. Да и бог с ним, моё дело терпеливое: стой, спокойно жди, когда скутер проедет мимо. Но глухое стрекотание неожиданно оборвалось – вот ведь засада, теперь придётся выходить! Осторожно выглянув за угол, я увидел, что байкер уже превратился в стрелка. Помповое ружьё всё ещё висело за его спиной. Спрятавшись за толстый ствол дерева, он предпочёл достать характерной формы большой пистолет.

– Стечкин... – с непроизвольной завистью прошептали мои губы.

Автоматический пистолет Стечкина, АПС. Давно хочу иметь такой. Калибр как у моего «макарки», так что проблем с патронами не будет, а эффективность гораздо выше.

Легко удерживая оружие одной рукой и прижимаясь курткой-косухой к шершавой коре, байкер вытянул ствол в сторону, откуда приехал. Всё ясно, налицо погоня. Парень быстро огляделся, и я опять смог посмотреть на его лицо. Точно, видел! В одной из общин, причём сидел он тогда рядом со старшими.

Тем временем на улице показались и преследователи. Это был короткобазный трёхдверный «Лендкрузер» белого цвета, праворульный, редкая модель. Цвет вполне обычный, широта Красноярска к такому располагает, в городе много светлых «крузаков». А вот попытки наладить поставки таких подержанных машин из Японии на севера с треском провалились, в Норильске, например, где «сотки» всегда были очень популярны, в ходу тёмный окрас, чаще всего чёрный.

Не дожидаясь, когда противник подойдёт поближе, байкер резво выстрелил четыре раза подряд и быстро спрятал АПС в кобуру. Да у него же патронов нет! Зачем тогда стрелял с такой дистанции?

– Ты тупой? – тихо произнёс я в пространство.

Мутная история. Неуместный для байкера скутер, пистолет хороший, но без патронов...

Не от большого ума оставшись без боеприпаса к нарезному оружию, он открыл огонь из короткого помповика. «Ремингтон», что ли?

Бах! Ба-бах! Не знаю, попал ли беглец в «Лендкрузер» своими первыми торопливыми выстрелами, но его преследователи решили срочно покинуть транспорт. Быстро вывалившись из остановившейся машины, они довольно бестолково улеглись прямо на замусоренный асфальт и, в свою очередь, начали поливать противника из своего гладкоствола. Расстояние между стрелками – семьдесят метров, далеко не самое благоприятное для работы гладкоствольным оружием, разве что если пулями.

Настрелявшись, стороны начали не столько воинственно, сколько обиженно перекрикиваться да переругиваться, чувствовалось, что они хорошо знают друг друга.

Точно, очень мутная тема, передо мной по всем законам театральной драмы разыгрывался, возможно, последний акт классической местечковой истории с обиженной молодостью. Не посторонний он, это какие-то внутренние или межобщинные разборки современных городских обывателей. Такие вот теперь обыватели в Красноярске... Уж точно не бандиты и не рейдеры, вольные или общинные, те вооружены гораздо серьезнее. Или увековеченная Шекспиром история противостояния двух знатных итальянских семей. Тогда ты, брат, – Ромео. Ромео Монтеки.

И вот ещё что: винтовка, выстрелы из которой я слышал из «Фиджи», в эпизоде пока не проявилась. Это хорошо, винтовка здесь совершенно не нужна.

В подобных ситуациях никогда не знаешь, на чью сторону вставать.

Первые эмоции требуют признать, что именно несчастный убегающий нуждается в помощи, вот только тут лучше не торопиться. Может оказаться так, что парнишка этот колоритный таких лютых дел натворил со смертоубийствами, что мама не горюй... Лучше уж вообще не вставать ни на чью сторону, обычно я именно такой тактики и придерживаюсь. Значит, что нужно делать? Просто тихо ждать, пока они не завалят друг друга. А, возможно, и помирятся.

Всё бы ничего, но во всём происходящем присутствовало одно очень важное обстоятельство: мне тут громкие разборки в принципе не нужны, потому что рядом находится ещё одна база – «Клуб». Одна из двух баз-коллекторов. Нечего вблизи шататься пришлым, место старательно зачищено от синяков и собачьих стай, забито намертво, это мой участок. Так что зрители, свидетели и возможные конкуренты сюда не допускаются.

Ситуация – просто зашибись! Я, значит, старательно маскировался визуально и акустически, дабы не привлекать в сектор посторонних, особенно синяков, как вдруг приехали какие-то бесы и ну палить из трёх стволов!

Пожилой полноватый мужик, выскочивший с переднего пассажирского места белого джипа, оказался несколько поумнее своего более молодого напарника, перекатившись к большому мусорному контейнеру. С учётом того, что бак точно не пустой, это вполне подходящее укрытие, защитит. Порой они что-то кричали во время запыленной пальбы, я не расслышал. А вот байкер хорошо понимал, чего от него требуют враги. В целом же перестрелка шла вяло, неинтересно, чувствовалось, что патронов у них не вагон, однако отступать никто из противников пока не собирался. Что же вы такие бестолковые да робкие, родственники, что ли? Не боевитые какие-то. Давайте, воюйте по-взрослому! Пока один подавляет беглого огнём, второй начинает сближение, заходя с фланга... Не хотите?

Тогда я вам помогу.

Спокойно пристроившись к углу павильона, я вложился, прицелился и быстро выпустил из АК-103 по две тройки поверх голов воюющих сторон. Через две секунды стукнул ещё раз для эффекта, после чего заорал что есть мочи дурным неприветливым голосом:

– Тридцать секунд! Отваливайте, или всех перестреляем! Тут наша земля!

Несколько мгновений над полем боя стояла мёртвая тишина, во время которой бойцы смекали, после чего первыми, как более смекалистые, отреагировали владельцы «Лендкрузера». Громко хлопнули разболтанные двери, и внедорожник, вихляя так, словно им управлял ученик автошколы, поехал по улице задним ходом. Байкер же, помедлив, тоже понял расклад и справедливо посчитал, что попал в более тяжёлую ситуацию. Подняв руки, Ромео Монтеки стоял возле скутера и напряжённо смотрел на меня, ожидая следующего шага. Совсем ещё пацан, лет двадцать от силы. Но испугался не очень сильно, вон какие злые чертенята в глазах бегают. И желваки играют.

«Стечкина забирай, Лёха, и отпускаяй оболтуса восвояси», – услужливо подсказала большая пупырчатая жаба. В принципе, пистолет забрать можно, ничего сложного. Могу даже отдать ему свой старенький ПМ, махнуть, так сказать. Оружие на землю, десять шагов назад...

Соблазн был очень велик! И тем не менее на такой шаг я не пошёл. Вполне может быть, что из-за этого злосчастного АПС колёсики и завертели. Вернётся он, допустим, обратно, одумавшись, или прижмут его таки мстители, а пистолетика-то при нём и нет... А это Наградной Пистолет Вождя. Украденный инфантильным дурнем. Где сокровище, спросят его. Он и ответит, что его забрал какой-то дядька с автоматом. И начнётся поисковая экспедиция. Замочить я себя не дам, но месторасположение базы спалю.

В наше время нет хуже качества, чем бездумная жадность. Очень многие молодые люди, готовые, как им казалось, на всё, после всеобщего апокалипсиса погибли из-за необдуманной резкости в словах и поступках. Решили, что раз государственных законов теперь не существует, так же, как структур, следящих за их исполнением, то теперь им дозволено абсолютно всё. А это далеко не так. Пока ты не вступил с кем-либо в прямой и явный конфликт, ты никому не интересен, по большому счёту. Нет претензий, нет и причин для войны.

В конфликты всё едино приходится вступать, так пусть уж останутся лишь те, что возникают из-за вещей действительно серьёзных, не нужно на пустом месте плодить лишние проблемы, особенно тогда, когда тебе о том чуйка подсказывает. Война войной, а если разойдёмся без обид, то у них не будет и мотивов, чтобы наведаться сюда ещё раз, хотя бы на разведку. Ни один человек, находясь в трезвом уме, не сунется без веских причин в мёртвый городской район, где тебя встречают автоматными очередями.

– Из-за Стечкина? – громко спросил я, не снимая силуэт с мушки.

Тот скривился, в попытке небрежно хмыкнуть, и кивнул. Ясно.

– Община?

– Взлётка... – нехотя буркнул он и неожиданно запнулся, утирая пот со лба.

– Кто староста? Резвей!

– Шарданов Артур Янович.

Совпадает, левобережье. Деловых отношений я с ними ещё не имел, а вот наведаться довелось, и вождя знаю. Вообще-то стараюсь не соваться без крайней нужды на левый берег, сложно там всё.

Некуда тебе бежать, пацанчик. Общин в Красноярске мало, все они, так или иначе, друг с другом контактируют, и проблемный беженец никому не нужен. Изгоем будешь. Может, ты хороший байкер, Ромео, допускаю, но не таёжник, в лес не уйдёшь. Плохо тебе, пацан, будет без города, очень плохо. В Красноярске придётся жить по норам, пока не прирежут за совершенные глупости, а ты их накопишь, гарантирую.

– Отдал бы ствол хозяину, не нужен он тебе, такой приметный, – предложил я веско. – Подкинь куда-нибудь, наверняка ведь знаешь место. Так? Ну вот... Впрочем, смотри сам, парень, тебе жить. Как зовут-то?

– Сева, – напряжённо пробасил беглец.

– Вали, пока я добрый, Сева. И ни шагу сюда больше, на кол посадим, не я, так другие организуют, тут серьёзные люди хозяйствуют. Ты понял?

Он кивнул опять, уже глубже, взглянул на меня недобро, запоминая, по-киношному ловко убрал ремингтоновский помповик за спину. Затем поднял скутер и, не оглядываясь, поехал сначала вслед за преследователями, а потом свернул налево и покати́л куда-то в сторону затона и Коммунального моста.

Вот и славно.

Глава 2

База «Клуб»

Речную базу я назвал по имени гостиничного комплекса, где она и была обустроена с началом моей рейдовой деятельности. «Сибирский сафари-клуб», стоящий на правом берегу близ микрорайона Пашенный, для этой цели подошёл идеально. Отель расположен рядом с жилым комплексом «Белые Росы», прямо на берегу Енисея, чуть выше острова Отдыха.

Подходящий объект я приметил, когда в тесной компании правильных пацанов отмечал здесь день рождения одного хорошего знакомого. Нормально тогда посидели, дружно. Правда, поначалу умудрились не сразу отыскать вход, зато потом всё было ништяк, не считая типичного косяка недавно принятой официантки с заказом, а в самый разгул пьянки какие-то постояльцы гостиницы начали настырно предлагать нам соучастие в экскурсии по природному заповеднику «Столбы», нашли время... Но это мелочи.

В центре хозяйства – симпатичное центральное здание с зелёной крышей. Охраняемая закрытая забором территория, на которой предусмотрена бесплатная внутренняя парковка, большая площадка на берегу для отдыха народных масс, укомплектованная деревянными беседками под черепицей, имеется даже собственная мини-набережная с недавно построенной в заводи маринной. Есть, в общем, где посидеть, попить-поесть и погулять.

Марина – отдельный бонус. Это специально оборудованное место стоянки яхт и катеров, в данном случае, гостей. В «Сафари-клубе» она небольшая, всего на шесть судов, зато абсолютно новая, не укатали ещё. Технологичные понтоны, обеспечивающие швартовку с учётом колебания водного горизонта, подводка питьевой воды и электричества, возможность заправки – владельцы отеля предусмотрели все прихоти постояльцев. Есть даже слип, то есть специально оборудованная наклонная береговая площадка, предназначенная для спуска на воду водномоторной техники.

Есть у меня предубеждение: новенькие постройки, возведённые непосредственно перед катастрофой и ещё блестящие свежей краской, вызывают во мне особые чувства, двоякие. Люди не успели ими попользоваться, обкатать, освоить, поэтому такие сооружения словно не подружились с человеком, что ли... И из-за этого стоят обиженными. Нет у меня к ним доверия.

Жаль, что через год я эту марину не увижу, паводком её снесёт, а убрать конструкцию перед началом ледостава будет некому. Этой зимой Енисей в черте города так и не замёрз. Турбины ГЭС остановлены, но были контролируемые сбросы, вода баламутилась, и всё сложилось по-старому. Лишь небольшие полосы припая образовались у берегов, в целом же акватория Енисея в районе Красноярска всё так же парила. Теперь вода успокоилась, уровень зеркала водохранилища понизили, а значит, ледостав неизбежен. По весне вскрывающийся лёд безжалостно изломает и заберёт с собой всё, что не спрятано по заводям и затонам. Между прочим, часть пришвартованных по берегам Енисея судов уже унесло вниз по течению. Началось это ещё до ледостава, и кто знает, что именно стало причиной такого неуправляемого путешествия, я и следы крови находил на палубах...

Вспомнив в своё время об этом объекте, я приехал на разведку и всё внимательно осмотрел другими глазами. Персонал эвакуировали вовремя, отель законсервировали до лучших времён, которые так и не наступили, ни мумифицированных трупов, ни захоронений на территории не оказалось. Принял решение и отгрёб место под себя.

На втором этаже гостиницы обнаружился хороший закуток с камином, помещение украшало белое пианино, до сих пор держащее настройку, ненужный, увы, кулер и столик с удобным диваном для толстых лентяев. Раньше здесь можно было присесть, поработать за ноутбу-

ком, помузицировать, если умеешь, одним словом, отвлечься от забот в приятном интерьере. А теперь я там пью горячий и очень крепкий кофе. Для проживания выбрал светлый и чистый номер с замечательным, если можно говорить такое про почти вымерший город, видом на Енисей. Мыльца всякие, шампуни, буклеты и прочая мелочовка – всё положенное на месте. Словно получил привет из прошлой жизни...

В сауне имеется закрытый бассейн, пустой, конечно. Однажды возникшая мысль о наполнении его насосом из реки быстро угасла под грузом предстоящего геморроя с магистралями, бойлером, мытьём и фильтрацией. Егерь я арктический или горожанин пушистый, и в холоднучем Енисее запросто испугнусь... Нет, тут я соврал, не испугнусь, вода ещё не совсем очистилась.

Хорошо здесь отдыхалось, наверное. В отеле жили гости города и командировочные, гуляли юбиляры и свадьбы, шумели корпоративы. Экологически чистый район. Вечером можно неспешно прогуляться по территории, пейзаж тому способствовал. А самое главное, тихо вокруг. Спокойно, уютно, никакой тебе городской суеты и раздражающего шума проезжающих автомашин. Ты вроде бы и недалеко от центра, но в то же время возникает ощущение, что находишься где-то за городом. А до центра отсюда через остров Отдыха примерно три километра.

Капитальную кованую ограду, в которой секции разделены кирпичными столбами, преодолеть непросто, а сразу за ней ещё одно препятствие – стена высоких деревьев, так что комплекс укрыт от праздного наблюдения с улицы.

На приличной скорости проехав к перекрёстку перед центральным входом, «Патриот» остановился в десяти метрах от традиционно симпатичного домика охраны, примыкающего к въездным воротам. Я неторопливо выбрался из машины и сразу огляделся, сопровождая линию взгляда движением автоматного ствола. В таких ситуациях не нужно сразу смотреть через фирменные прицелы или другую оптику. Лучше использовать подаренное человеку природой. Действуешь примерно так же, как при корректировке огня артиллерии. Оптику поднимаешь, только увидев разрыв, иначе он может произойти вне поля зрения, не успеешь засечь. А вот если уж засёк что-то или заподозрил, то тогда и изучай подробнее, чтобы не мешал туннель прицела.

Направо, на Карамзина, было тихо. За спиной, на Судостроительной, тоже.

Потом я достал прибор и дисциплинированно измерил уровень радиации. Всё в норме, фон сильнее не стал. Слева за стоянкой и стеной деревьев находились скрытые зеленью склады, ещё не выпотрошенные базы и ряды частных гаражей, владельцы которых годами копили там нехитрый мужской скarb. Здесь же мужики сбрасывали на воду надувнушки с подвесными моторами и рыбачили в пределах видимости из отеля. Сколько же там прячется всего интересного!

С правой стороны на меня мрачно пялились окна многоэтажек жилого комплекса «Белые Росы». Бр-р... Не живёт сейчас никто в многоэтажных зданиях, невозможно там человеку добиться хоть какого-то качества жизни. Поначалу часть выживших пробовала, но все быстро поумнели. Я, кстати, тоже пробовал и даже базу решил создать в таком доме. Убежал, часто крестясь, через день. Ни воды тебе, ни канализации. На верхних этажах жить глупо, а выбирая нижний, стоит быть последовательным, селиться в старых домах в два этажа от силы, чтобы не морочить себе и близким голову. Так что наблюдения с высоты можно не опасаться, шанс минимален. Но всё равно, в городе находиться на открытом месте мне всегда неприятно...

Так вроде бы спокойно, собачьих стай не видно, синяков здесь давно не замечал. Закрыв глаза, внимательно послушал. Ровно всё. Слева прокаркала знакомая ворона, я повернул голову и махнул ей рукой. Да, эти склады и гаражи очень хороши, перспективны! Выкроить бы, неизвестно как, свободное время да помародёрствовать там вдумчиво...

Глянул на небо. Вроде бы только что вокруг светило яркое солнце, летали огромные чайки, все было очень красиво... Но погода меняется. Безмятежье заканчивается, в высоте плыли тучи.

Тёплый душистый от запахов тайги ветерок, летящий с юго-запада, остывая над великой рекой, всё сильнее и сильнее скользил между домами и стволами деревьев, заставляя дрожать маленькие листья. Где-то посыпалось оконное стекло, сердито мявкнул кот, закричали утки в заводи за отелем, их там целая стая плавает. Птиц давно уже не кормят отдыхающие да гуляющие, но утки прижились и уходить не хотят. Заволновались мелкие птахи в зарослях над гаражными рядами, к соседке подлетела стая чёрных ворон, торопящихся найти укрытие, там хороший карниз. Небо постепенно темнело, приобретая неприятный свинцовый цвет и покрываясь тяжёлыми тучами. Ещё полчаса, и летняя гроза очищающим водопадом начнёт рваться над бывшим миллионником.

– Резвей действуй, Исаев.

Тщательно осмотревшись ещё раз, я отправился проверять контрольки. Они могут быть самыми разными, тут человеческая фантазия безгранична. Можно особым рисунком выкладывать на асфальте камешки, так, чтобы умысел не бросался в глаза, можно сухую веточку положить на пути чужого колеса или ноги, правда, её может унести порывом ветра. Хорошо себя оправдывают правильно уложенные осколки оконного стекла, что покрупнее. Любое передвижение рядом с контролками обязательно нарушит целостность картины, и у тебя будет возможность вовремя получить сигнал опасности.

Тяжёлый навесной замок был на месте, его не вскрывали, а контрольки рассказали мне, что посторонние здесь не болтались. И я спокойно открыл ворота, с удовольствием творца глядя на фанерную табличку с угрожающей надписью. Высокое искусство!

Что поделат, не у кого спросить как художник художника: «Киса, вы рисовать умеете?», самолично намалевал! А что, ровно и без ошибок.

Не входить, зона заражения!

Могильник. Возможна мутация вируса.

Санэпидемстанция.

Стопроцентный вариант.

Даже если написанному не очень-то и поверишь, то внутрь не сунешься, от греха, риск никому не нужен. Не тот это объект, чтобы рисковать жизнью ради проникновения внутрь. Что ценного можно сейчас добыть в заброшенном рядовом отеле? Правильное предупреждение я вывесил, трудно напугать выживших после эпидемии эффективнее. Заразные заболевания, мутации вирусов и новая эпидемия страшат их гораздо больше, чем возобновление боевых действий.

Загнав пикап внутрь, я и не подумал дисциплинированно свернуть направо и поставить его в размеченную на асфальте секцию стоянки, рядом с пыльным, некогда белым «Солярисом», единственной оставленной здесь машиной. Слишком там открытое место. Если кто-то всё-таки периодически сюда посматривает из домов, будучи в районе наездами, то лишнюю единицу техники на стоянке запросто может учсть. Если ставить, то лучше у здания, тут хоть деревья прикрывают. Мелочь вроде бы, ну так в классическом мародёрском рейде всё из таких вот мелочей и состоит.

Однако я подогнал пикап к эллингу.

Если со стороны суши следов проникновения обнаружено не было, то подход со стороны реки всегда возможен, на воде контрольки не поставишь. Эллинг тоже совсем новый, небольшой, от силы на четыре единицы среднего размера маломерного флота, там я и нашёл свою финскую красавицу-лодку. И если ульяновскому пикапу суждено всю свою автомобильную

жизнь, надеюсь, долгую и везучую, разъезжать по Красноярску и ближним окрестностям, то отличную дюралевую моторку «Buster Lx» я твёрдо намерен со временем перегнать в Подтёсово. Для моих красноярских командировок она не совсем подходит. Больно приметная, запоминающаяся. А вот на вольной воде...

Лодка была на месте.

Моторки этой финской фирмы на Енисее встречаются, хоть и редко. Года три назад я пару недель покатался на старой модели «Buster L» и теперь мог со знанием дела сравнить обе. Мне досталась экономичная и вместительная универсальная лодка с прекрасной управляемостью и стабильным, даже при максимальной загрузке, ходом. Она легко выходит на глиссирование, и в то же время держит волну выше средней. Вместительная, комфортная в использовании. Эта новая лодка обладает двумя особенностями, свойственными старшим собратьям по модельному ряду: тентовой кабиной и стационарным топливным баком. Наиболее существенное отличие новой модели от прежней состоит в расположении консолей: шкиперской и пассажирской. Они слегка выдвинуты вперёд, моторка управляется с отдельного места, а не с заднего дивана.

Крытая тентом кабина вмещает шестерых человек, правда, не в своём нынешнем состоянии – красивый и мягкий задний диван снят и сложен в углу. Мне важен груз, а не пассажиры. Хотя хочется и диван забрать, вдруг он позже пригодится, не дело бросать такие ништяки... Красавица! Отличная комплектация и удачная планировка. Есть ёмкий багажный отсек в носовой части и отсек для хранения тента, установлены гидравлическое рулевое управление и центральный выключатель, консоли с ветровыми стеклами соединены стационарной дверью. По бортам протянуты трубчатые леера. На баке стоит мягкое сиденье-бокс на сорок пять литров, его я убирать не стал, использую как ещё один отсек. Кокпит самоосушающийся, автоматическая помпа радует особо. На носу – хромированный забортный трап, аккумулятор в специальном отсеке. Мачта с навигационными огнями. Есть возможность установки дополнительного мотора, и это нужно сделать. Из приборов имеются компас и эхолот, радара пока нет, его буду монтировать сам.

Тенты можно поставить так, что закроется вся лодка целиком, это пригодится на диких стоянках. Максимальная мощность мотора для этой модели установлена в шестьдесят лошадиных сил. На транце за защитными дугами стоит трёхцилиндровый пятидесятисильный «Mercury 50 EO», но это ещё не окончательный вариант, может, помощнее поставлю. Здесь же я прибрал к рукам ещё два мотора этой фирмы. Маленький и лёгкий бормотун-тихоход, который хочу поставить запасным, и новенький водомёт F 40 ELPT Jet на сорок лошадок.

Уникальная штука, я даже не знал, что такие модели появились в Красноярске! Подвесной водомёт – агрегат дорогой, и по этой причине распространения среди енисейских рыбаков не получил, не на что им было такие покупать, зарабатывая промыслами за лето всего тысячу сто. Да и определённая косность, не любят у нас менять на что-то незнакомое хорошо работающие системы.

Водомётные лодочные моторы разработаны для того, чтобы использовать лодку в местах, где винтовой вариант мотора не способен работать: на мелководе и перекатах. С таким агрегатом можно подходить прямо к берегу, без откидывания сапога, чтобы принять на борт или высадить пассажиров. Сам я никогда с водомётами этой марки дел не имел. Судить могу по прежним поездкам с маломощными подвесными системами китайского производства – на длинном сапоге и с большим диапазоном угла наклона. Помнится, очень неплохо с таким подвесником шла длинная деревянная лодка-душегубка, впечатление портила лишь низкая надёжность китайского мотора, постоянно вышибало магнето. А этот фирменный, здоровенный, тяжёлый, в сто двадцать килограммов весом. В паспорте задорно написано, что модель отличается прекрасными эксплуатационными характеристиками, экономичностью, надёжностью и этот мотор не только не уступает винтовому, но и кое в чём их превосходит.

Задерживаться нет смысла. Дело сделано, намеченный план выполнен почти полностью, пора передислоцироваться на базу-коллектор «Гараж», которую мы с Катей Глебовой нашли и застолбили в ходе самой первой поездки в Красноярск. Есть время собирать хабар, есть время грузить его с довольной улыбкой.

Я посмотрел за реку, в сторону центра.

– Чего выжидаешь, Лёха, у тебя от силы двадцать минут.

Подогнав пикап к эллингу со стороны двора, я начал быстро перетаскивать в моторную лодку, стоящую на специальной тележке, разномастные коробки с генеральным грузом, так и спущу судно на воду, гружённым.

Приближающийся дождь был виден невооружённым взглядом. Косая сатинированная пелена частыми струями падала в ломаный абрис городской застройки, постепенно подходя к водной поверхности притихшего Енисея. Как по заказу, ровно через двадцать минут природа решила, что пора начинать и здесь. Уже не успеть по-сухому, не рассчитал...

Не болтай ничего языком, обращаясь к природе! Верная примета.

Кофе заварить не получилось, в перерывах просто пил воду из пластиковой бутылки. Последнюю сумку с мелочью я тащил из пикапа уже под начавшимся прохладным дождём. Ёлочки-иглолки! У меня же ещё несколько коробок в кладовой возле стойки регистрации лежат, чуть не забыл! Делать нечего, накинув непромоканец – яхтсменскую куртку, найденную в эллинге, не в футболке же ходить под таким ливнем, – я продолжил работу.

Пришлось побегать. Машину больше не использовал, нет смысла гонять технику, всё равно придётся мокнуть, выскакивая из кабины и обратно, а время экономлю.

Все эти мерзкие минуты над гостиничным комплексом важно проплывал косой дождь, то мелкий, но от того не менее противный, то чуть ли не тропический проливной, с тонкими росчерками молний и грозой. Сверкнула очередная, и я автоматически начал отсчёт. Расстояние до места разряда или разрыва по звуку можно определять так: вспышка в небе или на земле, и начинаем считать – 121, 122, 123... После того как будет услышан звук выстрела, взрыва или грома небесного, отсчёт прекращается. Например, получается четыре секунды, умножаем на 333, получаем приблизительное расстояние до источника звука в 1300 метров.

Вода в реке будто кипела, покрываясь пузырьками, а я, словно угорелый, колониальным грузчиком носился от центрального четырёхэтажного здания к эллингу с укутанными коробками наперевес, генеральный груз должен иметь товарный вид.

Наконец работа была закончена, тут и ярость сибирской природы поутихла. В небесах немного посветлело, широкая акватория начала покрываться причудливыми золотистыми пятнами просветов в кучевых облаках.

Баста. Теперь можно с полчасика отдохнуть, заварить кофейку.

Торопливо скинул яхтсменскую куртку, взмок. Нет, ну точно, клеёнка! Там, где руки не защищены короткими рукавами футболки, прямо прилипает к коже. До сих пор убеждён, что настоящая штормовая одежда, призванная по-настоящему же честно держать холодную воду и шквалистый ветер, вообще не дышит, и никакие новые технологии не помогают. Сколько ни перепробовал мембран, – все не выдерживали, через какое-то время продавливалось. Впрочем, мне в ревущий океан на яхте не ходить, да и далеко не все фирмы знаю, может, у ребят по профилю высокотехнологичная одежда с экстремальными свойствами всё же имеется. Но эта красивая куртка была действительно словно из клеёнки сделана. Дикая вещь. Заберу, в дополнение к плащ-палатке, пусть лежит наготове.

Дождь и сейчас лил, но уже совсем мелкий, с противной туманной взвесью, похоже, что он скоро закончится...

...В любимом зале с камином было тепло и сухо, как, впрочем, и во всей гостинице, кровля нигде не протекает. Может, потому, что я тут живу, и брошенное людьми здание чув-

ствует присутствие нового хозяина, старается соответствовать стандарту заведения? Запасы упакованного в крафтовые мешки шашлычного угля в отеле огромны, имеется жидкость для розжига, именно таким топливом я камин и кормлю. Быстро, над трубой нет дыма, запахи минимальны, если ничего не жарить. Готовлю на портативной газовой плите, экономично и удобно.

Две минуты, и в камине заиграло пламя. В помещении стало по-домашнему уютно. В дорогих номерах отеля тоже имеются каминны, но все они электрические, читай: бесполезные. А этот – самый настоящий, с узорной лепниной по краям и тяжёлой полкой белого мрамора.

Непогода уже не казалась большой неприятностью. Дождь на самом деле тёплый, длился недолго. Осенью, в периоды безнадёжной холодной мороси, которые могут затянуться недели на две, бывает куда как грустнее... Лето есть лето. По-настоящему хреново становится только тогда, когда с северо-запада приходит злой циклон, набравший воды над холодными тундровыми озёрами Югры. Таймыр считается кладбищем циклонов, оттуда не приходит.

Чайник на китайской газовой плите вскипел быстро, повалил парок, и вскоре терпкий аромат свежесваренного кофе наполнил помещение. На низком широком столе ждала разграбления пара больших плоских тарелок со сладостями и сухариками, на углу стояли два заряженных подсвечника, рядом с ними лежала носимая рация.

Я придвинул к себе включённый сканирующий трансивер, добавил громкости, какое-то время прослушивая эфир. Поймать что-либо удаётся очень редко. Чаще всего ловятся переговоры рейдерских групп. Сила инерции мышления и привычка опираться на знакомое в людях практического склада ума очень сильна, и большинство людей, имеющих средства связи, до сих пор предпочитают старые добрые аналоговые станции без скремблирования. Передовыми устройствами пользуются, как правило, спецы в общинах. Но их мало, основной массив высококвалифицированных специалистов по самым разным отраслям знания пропал вместе с интернетом.

На двух тяжёлых стульях, придвинутых к горячему жерлу, висели быстро подсыхающие штаны, я остался сидеть в просторных цветастых трусах. И на босу ногу, ёлки-моталки, потому что местные одноразовые тапочки белого цвета неудобны, а солидными полосатыми так и не разжился, не до конца одомашнился, видать.

Кофе получился отменный. А вот закуска... Надоела она мне смертельно.

Это один из парадоксов раннего постапокалипсиса: вроде бы все выжившие переходят на натуральное хозяйство, но ты, находясь в рейде или в экспедиции, вынужден питаться почти исключительно вредной и совсем не полезной пищей. Колбасы закончились, протухли. Единственный вариант вспомнить их вкус – найти вакуумные пакетики к пиву, в которых хранятся крошечные вяленые или крепко копчёные колбаски. Нет, пожалуй, я всё-таки вру, осталась вечная варёно-копчёная колбаса «Турист» со специфическим химическим вкусом, для тех, кто понимает, о чём я говорю. Это гениальное изобретение технологов пищевого производства, расстаравшихся для людей чистого поля, настолько набито консервантами и так надёжно упаковано, что может храниться, как мне кажется, лет двадцать. Колбаса «Турист» и в мирное время не раз выручала меня в долгих походах, а уж теперь это воистину палочка-выручалочка. Вот только и её вкус надоел до оскомины, пожалуй, даже больше всех прочих.

С консервированным мясом тоже непросто. Ещё немного, и я возненавижу любимую абаканскую тушёнку, что просто удивительно: никогда не мог такого допустить, тушняк я любил, даже в городе. Старика в Подтёсове в ответ на мои жалобы говорят с усмешкой, что я просто редко бываю в рейде голодным.

Морозильники больше не существуют, а погребов никто заранее не накопал, и лёд туда зимой не заложил, да и продукты – тоже. Даже этим январём лишь немногие из городских сообразили, что назревает проблема, озарение появилось только поздней весной. А ведь разместить в холодном хранилище побольше того же шоколада, лекарств, консервации...

Все орешки, как те, что лежат передо мной на тарелке, так и те, что добавляют в шоколад, содержат растительное масло, которое с каждым месяцем хранения неизбежно портится, из-за чего орехи приобретают прогорклый вкус. Да и сам шоколад делают из жиросодержащих зёрен какао. Чипсы, крекеры и прочий сухостой всех мастей вечен, ничего ему, проклятому, не делается. Трескай не хочу, набивай, рейдер, защёчные мешки, наслаждайся. Дикость какая-то! Получается, что я регулярно питаюсь трижды проклятой генно-модифицированной соей и пальмовым маслом. Конечно же, на прилавках магазинов и складов всё ещё лежит ассортимент консервов, но у многих из них уже истёк срок годности, это всегда риск.

И тут имеются свои хитрости. Не стоит западать на консервацию в томате, лучше сразу забыть о пресервах, нужно внимательно осматривать банки. Дольше всех сохраняет содержимое от порчи старая советская банка толстой жести, лужённая по швам. В таких абаканская тушёнка выпускалась и во времена СССР. Современная хакасская по вкусу, содержанию и консистенции ничуть не хуже советской, и хотя банки уже не лужённые изнутри, а покрытые каким-то специальным лаком, они запросто могут храниться лет пять. Запас такой продукции я держу всегда, пока что не обращая внимания на другие марки. Имеются и индивидуальные армейские рационы питания ИРП-Б, то есть усиленные, боевые, добытые случайно. Но их у меня всего три штуки, на крайний случай. Да, где-то, вполне может быть, есть целый склад таких рационов, неразграбленный. Но где? По телефону не позвонишь, в сеть за информацией не полезешь.

Все виды газировки типа колы и не думали портиться, отличный напиток эта кола, стойкая! И она очень полезна в моих условиях, кстати. Вывозя меня в детстве в Сочи, родители каждый день давали маленькому Исаеву немного пепси-колы перед выпуском сорванца в бассейн или море и сразу же после купания. Содержащаяся в напитке ортофосфорная кислота, или что там ещё намешано, отлично справляется со всякой заразой. Ни разу не болел ротавирусом.

Пш-ш... Щёлк!

– Седьмой, – неожиданно вызвала кого-то рация уже знакомым спокойным голосом.

И опять на вызов никто не откликнулся.

– Седьмой, – повторил неизвестный оператор.

Я тоже не собирался откликаться, но для вызова реакции пару раз щёлкнул в ответ кнопкой передачи, показывая, что сообщение услышал.

Оператор тут же возбудился!

– Это кто в канале? Восьмой? Ты слышишь меня?

Нет, приятель, высовываться не буду. Не высовывайся, и не засунут будешь.

– Хорошо, обратную связь от неизвестного абонента принял, до скорой встречи, – сказал мужик и отбил.

Странная команда оперирует где-то по соседству, сколько же их там в эфире?

Встав с мягкого кожаного дивана, я прошёл в номер напротив, где было открыто окно, и посмотрел во двор, потом на небо. Истерит сегодня погода.

* * *

Ассортимент пригодных для мародёрки супермаркетов невелик.

Дело в том, что перебои в продовольственных поставках начались задолго до финала катастрофы, когда население принялось массово скупать товары, привычно делая запасы самого необходимого.

Игры развитой логистики. В советское время мои родители завидовали, слушая рассказы о Японии, где все стройки шли с колёс, и каждый груз поспевал к моменту монтажа, не требуя создания складского хозяйства. Потом и у нас эта практика прижилась, распространившись повсеместно. Запчасть для автомашины часто выписывали только по твоему заказу, и

уже через день-два она была на месте. В начале войны схема аукнулась резким опустошением полок магазинов и складов торговых предприятий, которым отныне неоткуда было пополнить запасы. Всё многообразие торговых залов, от которого кружилась голова, начало пропадать уже через две недели после начала кризиса, своих долговременных запасов никто не создавал.

Как я уже говорил, у меня совершенно нет времени заниматься охотой и некогда качественно готовить себе еду. С рыбалкой тоже не складывается, на этом участке Енисея практически нет деловой рыбы. На удочку попадается какая-то пузатая и пучеглазая мелочь, очень неприятная на вид, употреблять такую добычу в пищу страшновато... Не знаю, с чем точно это связано, остаётся только гадать. Может быть, виной тому стало биологическое заражение самой реки в городской черте, которое, как нетрудно догадаться, вяло продолжается по мере порчи продуктов и разрушения мест хранения всяких ядовитых веществ. Нельзя исключать и радиоактивное или химическое заражение Енисея выше по течению, за плотиной. Так или иначе, но, по данным экипажа одного из подтёсовских малых буксиров РБТ и пробным выловами сетями, нормальная рыба в небольшом количестве появляется лишь ниже Казачинских порогов. А по невеликой точности данным, точнее слухам, полученным разведкой от редких береговых обитателей, нормальная, по-настоящему богатая жизнь огромной сибирской реки начинается только после впадения в Енисей Нижней Тунгуски. Вот такие невесёлые дела.

Полноценное пропитание общин – одна из серьёзнейших грядущих задач, и старостам и старейшинам поселений её только предстоит решать, так же, как проблему жидкого топлива. Что-то удастся заместить своими силами, огородами и садами, но ведь климат тут всё-таки сибирский... Мы уже начали серьёзно заниматься свиноводством, в посёлке появилось много коз, организованы свинарники, есть и молочные коровы. Однако всё это кустарщина, а нужна система. Профессиональные речники, настоящие хозяева реки, оставшиеся жить в Подтёсове, не этим должны заниматься. Они должны водить и ремонтировать суда.

Я вообще считаю, что настоящий постапокалипсис ещё не начался, всё самое плохое впереди, ребятки. Да-да, впереди, сейчас мы ещё пользуемся накопленным человечеством запасами ништяков. Однако выжившие люди, помнящие тучные былые времена, не желают, если они не наиболее ортодоксальные старообрядцы, просто так скатываться по цивилизационной лестнице слишком низко и привыкать к достаточно скудному выбору блюд и продуктов, заполнявших обеденные столы низшего социального слоя енисейского сообщества в XVII веке.

Мало данных. А как обстоят дела в притоках ниже по течению, есть там рыба или тоже ушла? Требуется доразведка...

...Что там со штанами? Подсыхают, поди... Отставив полупустую кружку и поднявшись, я потрогал накладные карманы. Идёт процесс, камин сушит исправно. Неловко как-то здоровому взрослому мужику в одних труселях ходить, неприлично, что ли, даже если ты один-одинёшенек. Ещё и босоногий! Пол, между прочим, никто не мыл, не дошли руки трудовые. Подумав, я посмотрел на берцы... Напялить? В городе ношу только их. В тайге не буду, высокие шнурованные берцы армейского типа неизбежно сковывают голеностоп, снижают подвижность стопы, а с ней и способность к долгому бесшумному хождению. Но здесь, в городской черте, это единственно приемлемая обувь, если ты не фанат сапог. В зоне даже частично разрушенной застройки полным-полно опасностей для ног, тут вам и осколки битого кирпича да шифера, замысловато выгнутые куски жестяной кровли, колотого бетона, обломки арматуры и стекла разной толщины, острые железки и лужи ядовитых веществ. Здесь ноги нужно беречь особенно тщательно.

Нет, берцы это перебор, пусть ноги подышат, проще подтянуть маленький коврик.

Так я и сидел в глубоком кресле, как директор пляжа, – клоун какой-то, честное слово.

Открытая настежь большая форточка и близость лестничных пролётов обеспечивали лёгкий сквознячок, в сочетании с жаром очага, это ровно то, что требуется. Ещё полчаса, и чуть влажные штаны можно будет натягивать, главное, чтобы карманы подсохли.

Чёрт, раззадорил себя размышлениями, сейчас сразу горсть орехов съем! И конфету, чего ей пропадать в неизбежной прогорклости.

* * *

Звук прозвучал неожиданно, как, впрочем, и положено раздаваться всем тревожным, пугающим звукам. Треск! И почти сразу – добавочка, словно что-то доломали.

Тот самый, из внезапных, будь они неладны, случаев, когда по крови пролетает выброшенный надпочечниками адреналин и ты остро понимаешь: «Эта дамочка не из нашего батальона!» Чуждый звук, лишний, не из моего мирка. А ведь звук был простой, скорее всего, просто ветка треснула, пусть и громко. Только вот спокойнее от этого не стало – на территории отеля ветка просто так хрустнуть не может. Нет для этого причин, тут даже белки не прыгают. Ничего не свалится сверху на деревья, стоящие вдоль ограждения периметра, многоэтажки микрорайона расположены далековато, с них ничего не упадёт, а скалы или вышки поблизости нет. Птица кондор сюда тоже не залетает.

Ветка лопнула толстая, прочная. Под хорошим весом или усилием нажатия она лопнула, знаю. Звук был чужой, и породил его чужой.

Вот что я скажу: слух и обоняние необходимо постоянно тренировать, так нас учили. Нужно просто поменьше читать теорию и почаще заниматься практикой. Просто диву даёшься, какие результаты дают регулярные упражнения, если их ежедневное выполнение вошло в стойкую привычку. Например, вот такое: просыпаешься, а глаза не открываешь. Сперва надо внимательно послушать. Так и лежишь, сканируя и пытаюсь понять, что происходит вокруг. Для тренировки затыкаешь ватой уши и тянешь воздух носом, ощущая запахи сильные, отделяешь их от слабых, пытаешься сортировать их по категориям: природные или техногенные. И не просто ловишь все мыслимые звуки, но и определяешь по ним пеленг, характер движения звука, причины возникновения и особенности, громкость и тембры. Нужно вспоминать, где и при каких обстоятельствах эти звуки или запахи уже слышал. Слабый вторичный слух и осязание нужно отключить усилием воли. Некоторые следопыты умеют воспринимать запахи как цвета или их сочетания, так мозгу легче.

А потом весь день периодически стараешься ориентироваться только на запахи, звуки и направления, откуда они исходят. Лучше всего этим заниматься в тайге или на берегу небольшой реки, там полно запахов, и ни один не мешает другому так, как это делает, забивая всё, городской автомобильный выхлоп. Со временем диапазон воспринимаемых запахов увеличивается и заметно расширяется порог восприятия. Есть даже массаж, улучшающий обоняние – постукивание подушечками пальцев по крыльям носа при втягивании воздуха.

Приручив собаку, человек потерял нюх. Но шанс вернуть его хоть в какой-то степени есть у каждого. Думайте, учитесь, читайте правильные книги и статьи с мудростью предков, вспоминайте её, эту мудрость.

«Ага, а, приручив Интернет, человек потерял память и все инструкции, а чужая мудрость исчезла вместе с электронными текстами», – проворчал я мысленно, заканчивая шнуровать правый ботинок.

С запахами, кстати, работать сложнее, чем со звуками, но при соприкосновении с противником тренированное обоняние переоценить трудно. Человек всегда пахнет потом, и всегда же по-разному, в зависимости от степени сытости, усталости, агрессивности или страха, мобилизации или расслабленности. Что-то ловится лучше, что-то очень тяжело. Огнестрельное оружие, которое не почистили после стрельбы, пахнет специфично и довольно сильно. Вся прикладная и бытовая химия пахнет ураганно: репелленты, мази, пена для бритья, лекарства, ружейные масла и средства для ухода. Очень сильно ощущается запах беглых – особое тюремное амбре, его сложно спутать с каким-то другим. Этот запах упоминается в методич-

ках как арестантский, однако точно он не разъясняется. Попробую разложить. Сложная смесь, непросто описать её особенности несведущему. Тут и вонь немытого тела, и кислота несвежей одежды, запах плохо выстиранного сохнувшего белья и лагерной помойки, ароматов промзоны и гниющего болота по соседству. Запах бомжа, кстати, похож на тюремный, но в нём нет очень важной составляющей: густого коктейля запахов пота и гормонов, исходящих от множества взрослых мужчин, собранных вместе в тесном помещении, гормональной смеси крайне неблагополучной казармы. Эта вонь крепко въедается в кожу, просто так не отмоешься, у откинувшегося запах замечен ещё два-три месяца после выхода на вольный воздух. Впрочем, с бичами та же картина.

Каждый человек пахнет по-разному, и, в зависимости от индивидуального, собственный специфический запах-паспорт появляется уже через час-три после душа. Многие слышали, что резкие запахи можно уловить за сто пятьдесят метров, а табачный или костровой дым вообще ощущается за полкилометра, но этого мало. В тайге визуальная дальность часто очень мала, и именно отличное обоняние и слух помогают мониторить пространство. По себе знаю: чувствительность наших органов чувств имеет очень большой резерв.

В данной ситуации запахи пока не важны. Важен слух. Развить его гораздо проще, а сканирует он глубже и шире...

Хрясь! Третий раз! Что за бегемоты там лезут?

Это называется так: несанкционированное проникновение за периметр, товарищ полярный егерь. Шухер! Тревога личному составу голоногих носителей труселей! Чёрт, ведь чувствовал же я что-то, северным сиянием клянусь, хотел мокрые напялить! Лихорадочно гоняя в голове эту мысль, я и сам не заметил, как подтянул автомат.

– Нет, ну ты вообще обалдел!

Руки сами собой подтянули за шнурки второй ботинок, пальцы заученно, на рефлекс, взялись за работу. Надёжно так, не халтура. Отлично. Теперь штаны не надеть, берцы мешают.

А времени на переодевание с переобуванием уже нет.

Почему несколько раз хрустело? Потому что пришелец по дереву лезет. И не поднимается по нему, ясное дело, а спускается. Ветки пробует на прочность, а они не держат, значит, гиббон проник здоровый. С забора перебирается на дерево. А почему сразу не спрыгнет? Острые пики гиббону мешают, кованые, четырёхгранные. Там мастера здешние такую страсть ковано-заострённую в периметр насажали, что мама не горюй, лично я бы не рискнул.

– Шибко рисковый, что ли?

Здоровый и рисковый гиббон. Это плохо.

Полез через забор, значит, недалёкий, а вот это хорошо.

Нацепив ремень с кобурой и ножом, подхватив автомат за антабку, я метнулся в гостиничный номер к пластиковому окну, сразу снимая с запора большую створку. Выглянул – не видно нужный сектор, зараза! Кроны мешают. Не размышляя, я выкатился из номера, но дверь ногой всё-таки придержал, чтобы не хлопнула. Очень хорошо, что везде постелены длинные пушистые ковры, топотни не будет. Я дикой кошкой нёсся по лестнице вниз, и со стен на эту пробежку неодобрительно посматривали то овальные зеркала, отражающие васильки на моих трусах, то какие-то модные сюрреалистические картины с природными пейзажами и портретами.

Со стороны улицы и скверика в главное здание не попасть, такого варианта вторжения можно не опасаться. Я всегда закрываю все четыре входа со стороны Судостроительной, включая ресторанный. Только с битьём окон, но это слишком беспардонно, смело даже для пустого города.

Через полминуты я был внизу, замирая для прослушки перед выходом из фойе со стойкой регистрации в просторный внутренний двор с дорожками, ведущими к набережной и резным шашлычным беседкам. По бокам ко внутренней террасе парадного входа поднима-

лись двойные встречные пролёты, прямо Петергоф, сплошной мрамор. Коробки я складировал именно в ресторане, вот здесь, возле внутреннего входа, чтобы при погрузке не считать лишние ступени.

Пока что шумы не пеленговались, и я, чуть не зашипев от зуда в поцарапанной тонким сучком коже голени, двинулся сквозь густую зелень вдоль стены, к углу. Затем перебежал к стене ограды. Не забывая себя материть за голоноготь и отодвигая рукой последний куст, присел, сразу выставляя ствол, взгляделся в сторону внешнего ограждения комплекса и стены деревьев сразу за ним.

Готова засада. И засадник в ней уже сидит, прямо тигр уссурийский, на загляденье! Труселя, под ними волосатые ноги без признаков загара, на торсе простенькая хлопчатая футболка серого цвета с тёмно-красной надписью: «Торговый дом “Крутояр”, скидки всегда!». А какая разница? Да, футболка одноразовая, стирке не подлежит, надпись на ней идиотская, уж никак не спецназовская. Зато очень мягкая, тонкая и отлично впитывает пот, полный комфорт. Я теперь не состою на вещевом довольствии, не снабжает любимый товарищ прапорщик, мне даже котловое питание доступно только в ППД, сплошное самообеспечение. Поэтому таких удобных маек без следов камуфляжа и фирменных этикеток у меня целая пачка, в запас.

Ветка дрогнула, и от ствола дерева отделился силуэт гиббона.

– Ох, и гиббон же этот Сева Монтеки, – еле слышно продублировал я мысль. – Идиот.

Вот какого чёрта ему нужно было лезть через забор с шипами? Со стороны многоэтажек есть ещё одна калитка, широкая, при желании вскрывается на раз, а шипов на неё считай что и нет. Поленился ты доразведку провести, поленился, олух.

Он всё-таки решил за мной проследить.

А говорил, что всё понял... Головой кивал. Осознал, мол, что «ни шагу сюда больше, на кол посадим, не я, так другие организуют, тут серьёзные люди хозяйствуют». Гиббон, может, и понял, однако личные резоны перевесили, перешибли здоровый страх, присущий человеку, желающему жить долго. В принципе, тут всё объяснимо: на скутере после случившегося ехать страшновато. Запеленгуют обиженные преследователи, увидят или услышат, заранее зная, куда он может двинуться, а вот на чужом исправном «Патриоте», который он планировал забрать себе, совсем другое дело. Вряд ли гиббон с таким скудным умищем прокачал водный вариант отхода, хотя он лежит на поверхности – база расположена на реке, значит, есть поле деятельности для плавсредств. Иди к гаражам и возьми там лодку.

Байкер встал почти в полный рост и посмотрел в мою сторону, но я загодя опустил ещё сантиметров на десять, укрывшись за изогнутой подпорной стенкой с вазонами и наблюдая за ним одним глазом. Диверсант не стал снимать с плеча помповое ружьё, а вытащил всё тот же пистолет АПС. Пришлось бесшумно присвистнуть – промашка. Оказывается, запасные маслята у сволочуги всё-таки имелись! Просто парень не успел перед перестрелкой набить магазины. Или один магазин, если допустить, что скандальный пистолет он крал быстро, без выбора момента...

Что делать будешь, бестолковый?

Словно услышав мои мысли, он тут же шагнул вбок, перевёл взгляд правее и замер, заметив в глубине двора пикап. Настал момент истины.

Смотри, Монтеки, смотри, теперь всё будет не только зримо, но ещё и материально, всё по-взрослому. Мало ли, чего ты там себе планировал... Вот машина, значит, я где-то тут, угадал. И тебе придётся меня убить, чтобы ею завладеть.

Шанс я ему давал, честно. Если прямо сейчас байкер Сева осознает всю губительность ситуации и бестолковость затеянной авантюры, да махнёт знакомым маршрутом через забор на волю, то можно считать, что гиббону посчастливилось.

Осознавать он не захотел.

Ухватив пистолет двумя руками перед собой на уровне глаз, он излишне напряжённо двинулся вперёд, и это определило дальнейший, вполне естественный ход событий. Это очень неприятно, когда ты посекундно наблюдаешь, как другой человек на твоих глазах принимает положительное решение по убийству тебя любимого. Смотреть, как играет мимика, меняется выражение лица – убийцу читаешь, словно зловещую книгу. В скоротечном бою, в свалке, в перестрелке на дальних дистанциях этого страшного ощущения не возникает, там ведь просто: вот враг, вот товарищи по оружию. Здесь же...

Только что он решил меня завалить. И теперь идёт по мою голову.

В чём-то я его даже зауважал. Не каждый способен так отвечать на вопрос о твари дрожащей. Вот только, кроме резких решений, в этом деле требуются ещё и необходимые умения. По всем законам ковбойского жанра, мне надлежало опять заморозить его зычным голосом, ошарашить, затем басовито выдать в ошалелые глаза пару веских рубленых фраз с назидательными нотками, обличить и опозорить.

Но в жанрах я не признаю рамок и штампов. Потому что собираюсь жить долго.

Гиббонам тут не место. Сложное время, пацан, не дожидаться тебе счёта до третьего раза...

Ду-дум!

Автомат выплюнул двойку, человек без всякой картинности опустился на траву. Его голова была видна очень хорошо, и я опять потянул спуск. Контроль в голову. Сведённая судорогой правая рука байкера разжалась, падая на землю.

– Вот так, Ромео Монтекки.

Хорошо, что я его завалил. Ещё один одинокий волк отсчитал свои последние минуты. Этот безбашенный юноша, отныне навсегда замерший в густой зелёной траве давно нестриженного газона и при жизни предпочитающий такую вот трактовку понятия «здравый смысл», мог бы натворить очень много бед.

– Ты там, на небесах, давай поумней.

Запасной магазин к трофейному АПС прилагался всего один, и тот был пуст, а в используемом оказалось всего пять патронов. На меня бы ему маслят хватило. Да уж, вовремя ты этот мир покинул, Сева.

Кобуры у байкера не оказалось, что же, как-то будем решать. Есть в Подтёсове хороший кожевенных дел мастер, думаю, по заказу сделает. Конечно, я поначалу мечтательно рассчитывал заполучить штатную деревянную кобуру, позволяющую превращать этот пистолет в пистолет-пулемёт с возможностью ведения автоматического огня, но драгоценному трофейному коню в зубы не смотрят, а холят, кормят и лечат. Прибрав короткоствольное оружие, я снял с гиббона помповое ружьё – им действительно оказался «Ремингтон», – выгреб патроны с картечью. Пулевые он, если они и имелись, быстро расстрелял в стычке с преследователями.

– И что теперь с тобой делать? – с искренней грустью спросил я у покойника. – Придётся за лопатой идти, не бросать же тебя под атмосферой.

Как-то паскудно всё получилось. Чёрт... На пустом месте сделал труп.

Вряд ли товарищ Шарданов и левобережная община на Взлётке когда-нибудь узнают о случившемся на территории отеля «Сибирский сафари-клуб». Даже если встречу с тамошними вождями, то языком трепать не стану.

Я же не идиот.

* * *

Мне никогда не мечталось о яхтах.

Тех самых, океанских, белых. Где стены, бакштаг звенит, как первая струна, характерный хлопок паруса над головой да бикини-красавица, позирующая в закатных лучах на баке.

И попугай-матерщинник с истошным криком: «Па-авора-ачивай на другой галс!». В детстве я исправно, как большинство годных пацанов, переболел хейердаловским плотом, локально повторил знаменитый поход с киндер-корешками, чуть не загнувшись на местных разливах, и отпустило.

Меня всегда тянуло к простому речному. К маленьким буксирам-толкачам, к небольшим разъездным и служебным судам. Если вспоминать романтическое, то максимум к флотским катерам типа «Адмиралтейский». К деловому, трудовому, как катера КС-100 или маневровые буксиры РБТ, которые в Хатанге называют «роботами». Тянуло к вечным «Ярославцам», настоящей опоре всех речников страны, ко всем этим «Путейским», «Шлюзовым», «Линейным» и «Портовым» – такое судно хотелось обрести. Да, я знал, что фотографировать будут редко, на обложку календаря с таким судном не попадешь, разве что ведомственного, а понты в кабаке с рассказами поймут лишь коллеги. Вау-эффекта ноль, и пошел бы он в пим дырявый.

Зато ты всем нужен. Ты вечно должен забросить, забрать, дождаться, подтащить или пригнать, передать, разузнать, загрузить, обменять, догнать, обеспечить и завершить.

С дамами в бикини напряжёнка, тиковой палубы нет, одни труселя в цветочек в нормах матросского юмора, обшарпанная моторка «Обь», стоящая ребром на корме, да судовой пес Бубен. На реке ты всегда свой, а не пришлый. На расхождении тебя приветствуют сирены друзей, тебя вечно тормозят коллеги для быстрого и чрезвычайно важного разговора посреди реки, прямо на фарватере, тебе машут с берега поселковые детишки, пританцовывая на яру. Ты глядишь в бинокль, узнаёшь каждого и помнишь тот факт, что уже неделю никак не можешь забросить им пакетики «Зуко». Они любят есть прямо из пакетика, точно так же, как ты в детстве, ничего не изменилось.

Ты часть реки, а не гость.

Ты действительно нужен, социально значим, и это главное, о чём вспомнишь, натягивая на себя крышку гроба – «Я работал на радость многим». А дорогушая яхта с бикини-девочками – это только для себя, праздное. Крышка прищемит, а потом и обрежет красивые мачты. Таков будет последний звук. Уж точно не короткое твяканье сирен друзей-шкиперов. И не хруст разрываемого пакетика с «Зукой»...

...За спиной на средних оборотах тихо звенел мощный мотор, я неторопливо заводил «Бастер» в залив Абаканской протоки. Огибать остров Молокова и проникать вглубь я не собирався, нужно просто подняться на дамбу к Ярыгинскому проезду и проверить уже почти отжатую в свою пользу находку, небольшой теплоходик, похожий на уменьшенную копию «Ярославца». Тип пока не определил, обнаружив судно совсем недавно.

Поднялся наверх и отметил, что вода в протоке стала заметно грязнее, позеленела, в ней появились плавающие водоросли, какие-то неприятные на вид пузыри на поверхности. И болотный запах. Меня вот всегда убеждали, что стоит человеку отойти от природы подальше, и она тут же восстановится. Всё так, верно. Однако никто не знает конкретных планов Её Величества по самовосстановлению, госпожа Природа о них не докладывает. Может, у неё тут в плане болото обозначено. Человек мешал, чистил, понимаешь ли, присматривал...

А теперь он мешать не будет.

Служебно-разъездной катерок «Флагман» оказался на месте, в заливчике за верхней дамбой Абаканской протоки. Он всё так же стоял, прижавшись к берегу, где я и пришвартовал его понадежнее. Если бы смог, то забрал бы его с собой прямо сейчас. Думаю, некоторые общины уже начали понимать особую ценность подобных небольших судов, потребляющих возможный минимум драгоценного жидкого топлива и в то же время способных выполнять вполне серьёзные задачи по буксировке. Могу судить по скорости исчезновения их с причалов – перегоняют куда-то, две штуки пропало со времени моего предыдущего рейда. Торопиться нужно, а то и этот из-под носа уведут. Жаль, что машина на нём неисправна, запустить двигатель я так и не смог, что своим ходом малыш не пойдёт. Имеет смысл отбуксировать его в Подтёсово. Ремонт

на подготовленной для этого базе дело существенно более быстрое, чем кустарщина и возня с доставкой сюда каждой детали. Хотя судну нужен более тщательный осмотр, ещё неизвестно, что там с корпусом и рулём.

В Подтёсове уже имелись три своих «Ярославца», и ещё пару мы перегнали весной на рембазу, подобрав их на реке. Народ в общине понимающий, и выработать стратегию обретения нового флота было нетрудно, наш староста Храмцов Василий Яковлевич идею ухватил сразу, всё понял и одобрил. Если уж создавать флот, то с умом.

Увы, время больших судов ушло, не прощаясь, и не обещало вернуться в ближайшее десятилетие как минимум. Эксплуатация сухогруза большого и среднего класса и буксиров, тяжелее «Ярославца», отныне потребует от владельца и заказчика очень серьёзных экономических обоснований... Да уж, моей моторкой «Флагман» не потащишь, и дело тут вовсе не в мощности американского подвесного мотора. Мощность как раз позволяет, в старые времена такой на Енисее не обладали даже многие пассажирские пароходы, а пять лошадок на борту были нормой для первых мотоботов, в которых примитивные двигатели стояли посередине корпуса, в миделе. Позже кораблестроители разбаловали речников высокими мощностями судовых машин, порой избыточными, и только с возвращением в капитализм владельцы постепенно начали считать деньги, потраченные на горючее.

Хватило бы моего табуна. Может, рискнуть?

Но сама конструкция моторки не позволит ей буксировать груз такой массы и инерции. Вырвет всё к чёртовой матери в первые же полчаса хода. Неподготовленной моторкой чуть-чуть толкнуть можно. И всё. Буксировка – это наиболее сложный случай судовождения. Для движения по течению буксирный состав жестко крепят на коротком тросе. Управлять буксиром, движущимся вниз, очень сложно, внезапная остановка почти невозможна, а сцепка обычно имеет большой раскат, одиночное самоходное судно или сцепка заносит, забрасывает корму в сторону вогнутого берега, а при поворотах – в наружную сторону от поворота.

Нет, один не возьмусь.

– Ладушки, постой пока тут, позже заберу. И не высовывайся смотри! – пригрозил я теплоходу, направляя лодку на разворот, в основное русло Енисея.

Поворачивая, по привычке жался вправо. Для моторки наиболее выгодной траекторией путём движения в длинном повороте или изгибе судоходной реки считается движение ближе к выпуклому берегу в пределах судового хода. А вот крупные суда, ввиду большой осадки, обычно стремятся идти около вогнутого берега, а на прямых участках – посередине. Таким образом фарватер транспортных судов обычно совпадает со стрежнем. Движение моторки или катера вдоль выпуклых берегов уменьшает шанс попасть под раскат встречных и обгоняемых буксирных караванов, толкаемых составов и одиночных больших транспортников, а при плавании по незнакомой реке предупреждает попадание в суводь, круговорот за выступом берега. Здесь участок Енисея спрямлён, но я по привычке прижимался к правому берегу, обычно левее и судов было больше. Было...

На главном фарватере я немного поддал газку, проходя мимо Посадного острова, впереди выросла во всей своей красе Коммунальный мост. Сильно не разогнался. Вблизи мостов сейчас вполне можно наскочить на бесхозного утопленника, ушедшего в самовольное плавание и врезавшегося в один из быков. Глубины тут небольшие, в хорошую погоду и при тихой воде с высоты Коммунального моста видно дно.

Погода всё ещё была пасмурной, на скорости с востока по реке тянуло сыростью. Небо затянуло низким серым пологом, похоже, опять дождь собирается, чувствую, поставленный тент пригодится. Невесёлая открывалась картина. И виды брошенного на произвол судьбы города-миллионника только добавляли в неё мрачных красок.

Вот позади остался низкий зелёный Посадный остров и работавший некогда плавучим рестораном теплоход, белеющий на фоне многоэтажных домов Афонтовой горы. Я бросил

взгляд в сторону характерной башни тёмно-серого цвета, пристроенной к трилистнику здания городской администрации и Театральной площади. Там находятся главные городские часы, и поэтому башню почти официально называли Красноярским Биг-Беном. Замерли стрелки, замер город.

Вот Енисейское речное пароходство, гостиница «Красноярск» и давший название площади Красноярский оперный театр, рядом стоит памятник Чехову. Если город Томск великий русский писатель в своих путевых заметках незаслуженно, как по мне, обозвал «свиньёй в ермолке», то Красноярску он откровенно польстил, охарактеризовав его как *«самый лучший и красивый из всех сибирских городов, а на том берегу – горы, напоминающие мне о Кавказе, такие же дымчатые, мечтательные. Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега»*.

Докладываю по итогам нашего бытования: никаких признаков жизни, товарищ писатель! Вот так мы порулили! Ни тебе умной жизни, ни смелой. Тут есть пока что только одна жизнь – беспредельная, мародёрно-бункерная, а порой и просто бандитская.

Левый берег – это исторический центр Красноярска, занимающий узкий полуостров между Енисеем и речкой Качей. На Красном Яру долгое время стояла караульная вышка острога. В XIX веке её заменили похожей на ракету деревянной, а потом каменной часовней Параскевы Пятницы, стоит до сих пор. А вон там, на склоне, стояла пушка, из которой в полдень палили, как в Питере, звук выстрела было хорошо слышно в городе. Ритуал ввели, а вот база под ним была слабенькая: легенда о полуденной пальбе казаков XVII века звучала как-то неубедительно, с какого перепугу им нужно было зазря припас тратить?

Я ведь на это орудие позарился... Поехал с Игорем воровать. Ага, самый хитрый! Затем мы направились в долину Качи воровать БМД с памятника афганцам. Результат был тот же: всё украдено до нас. После этого единичного порыва бронетехнику я больше не искал, поняв, что общине она в принципе не нужна.

А вот пушкигодились бы.

В отличие от часто меандрирующих Лены и Оби, Енисей прёт напролом до самой Арктики. Считается, что до устья Ангары он не особенно велик, но даже в Красноярске Батюшка всегда впечатлял: и хорошо видимой чистотой воды, и большой скоростью течения, словно у горной реки. Вода же в нём всегда была холодна.

Неожиданно со стороны Предмостной площади коротко стукнул по зеркалу реки порыв ветерка, быстро меняющее форму одеяло облаков опускалось ещё ниже, и всё вокруг стало под моё пасмурное настроение. Вода возле правого берега начала недовольно морщиться разрозненными пятнами ряби, брызги буруна за кормой потеряли хрустальную прозрачность. Лодка вообще не дрожала, шла гладко, словно утюг. Ветер дунул ещё пару раз и вдруг притих, не набирая больше силу и не разбивая свинцовое зеркало.

Место, где некогда стояла одна из красноярских реликвий с богатой на события судьбой – тяжёлый буксир «Красноярский рабочий», пустовало. Я довольно усмехнулся, вспомнив, как нагло мы его отсюда угоняли. Открыто и долго. Громко возились два дня, и за это время на меня трижды выходили в эфире представители общин, с недоумением интересующиеся, зачем нам нужна эта историческая рухлядь, построенная в 1930 году по заказу Советской власти в Германии? Могучий красавец, водоизмещением почти восемьсот тонн, из серии первых в стране судов класса «река – море», внешне напоминающий скорее морское судно, нежели речной буксир, в итоге был успешно проведён через Казачинские пороги и доставлен для восстановления в Подтёсово.

Горжусь той операцией. Как я и предполагал, КС-100 такую махину утянуть не смог, для транспортирования заслуженного ветерана силам скоротечной воровской экспедиции понадобился большой буксир «Аверс», способный взять красавца на жёсткую сцепку. В Подтёсове

механики демонтировали паровую машину, учинив ей полную разборку и реставрацию, одновременно снимая копии узлов и деталей. Так что планы запуска серийного производства паровиков вполне просматриваются. С годами такая техника будет в бассейне на вес золота, даёшь подтёсовские паровые машины! Надеюсь, это гордое название ещё на весь Енисей прогремит!

Всё лучше был виден красивый Красноярский речной вокзал – впечатляющая постройка, своей архитектурой перекликающаяся с московским Северным речным вокзалом. До последних дней своей цивилизной городской жизни он так и не начал использоваться по прямому назначению. Неподалёку белый офис крупного банка и красное здание Управления внутренних дел – здание старинное, с собственной историей, здесь самому Ленину Шушенскую ссылку оформляли, документы выписывали... Получил вождь пролетариата положенные ссыльному бумаги и поехал. За свой счёт, между прочим, с полным комфортом.

Рядом стоит часовня святого великомученика Дмитрия Солунского памяти погибших на службе милиционеров, а позже полицейских, печальный отсчёт которых начался со времён алюминиевых войн. Вдали – неплохо знакомые места: индустриальный сектор правого берега с ТЭЦ-1 и ЦБК и, конечно же, районы-терминалы грузового порта на левом берегу за КраЗом, один из них мой. Там же виден Октябрьский мост. За островами через Енисей перекинута ещё пара мостов, и всё, дальше начинается тайга по одичалым берегам, типичные территории Красноярского края – места с минимумом населёнки даже вблизи столицы.

После мостов река становится более живописной, обещающей, что ли, захватывающе красивой. Раньше в выходные дни на ближних пикниковых участках шкиперам и пассажирам судов резало глаз огромное количество катеров и лодок, причаливших к берегам. Буквально каждый разрыв в прибрежных зарослях и возле пряничных дачных домиков, построенных у самой воды, был занят отдыхающими компаниями. На берегах стояли машины, надувные лодки, разноцветные палатки, навесы и тенты, мангалы, горели костерки, а енисейский воздух был наполнен нестерпимо возбуждающими ароматами жареного маринованного мяса. Изредка проплывали дорогие парусные и моторные яхты. Местами важничали огромные плавучие дачи, и даже какие-то баржи-кемпинги... Музыка играла.

Теперь там Дикий край, и мне туда.

Глава 3

Стрелки, синяки и мистика

Первая очередь вошла в воду прямо по курсу, как только я вышел из тени огромного каменного быка, одной из опор второго от правого берега пролёта. Можно сказать, что мне крепко повезло, пули пошли мимо, в две короткие очереди. Вторая легла чуть дальше, но это не подарило бесценную возможность узнать, откуда ведётся огонь. По выпущенной в воду очереди направление стрельбы не определишь, фонтанчики всегда взлетают строго вертикально. Помог слух. Одиночный хлопок выстрела при работающем моторе запросто можно прозевать. А вот очередь слышно.

С правого берега лупит, к которому я и прижимался.

Ещё не успев полностью осознать произошедшее, я резко переложил руль.

Крутой поворот на большой скорости всегда опасен, такой маневр вызывает сильный крен, поэтому нормы судовождения, да и просто здравого смысла, требуют уменьшения скорости перед поворотом. Любой вираж на воде неизменно сопровождается возникновением центробежной силы, которая давит на моторку сбоку, вызывая тот самый чёртов раскат. Если скорость высока, то она, действуя на судоводителя, стремится отбросить его в сторону, противоположную повороту, и становится вполне осязаемой. Центробежная сила зависит от скорости движения и радиуса циркуляции. И то, и другое сейчас имелось с лихвой.

Скула «Бастера» вмяла воду плугом, словно стараясь отвалить её в сторону, корма тут же рыкнула, винт истерично рывкнул в пене, но сразу нашёл привычную среду, зацепился и потащил с ускорением. Меня потянуло к борту, но о себе в этот момент не думалось. Я вообще в этот момент ни о чём не думал, выводя моторку из виража.

«Дистанцию увеличь!» – мелькнуло в голове уже на прямой.

И ещё пронеслось, уже памятным голосом нашего строгого ротного: «Нарушаем дисциплину, товарищ Исаев? И технику безопасности. Где ваш спасательный жилет?»

Какой там спасжилет, товарищ старший лейтенант, гоним, валим!

Ширина Енисея в районе Коммунального моста составляет примерно семьсот метров. Из чего он стреляет, пулемёт или автомат? Звук выстрела я уже не слышал, и слышать не мог, потому что получивший полную свободу двигатель ревел как бешеный. «Бастер», высоко задрав нос, при завершении поворота мгновенно вышел на глиссирование и теперь летел со всей возможной скоростью к противоположному берегу, курсом левее пассажирского причала и целясь носом в место на набережной, известное жителям как «Стена признаний».

Ещё одна очередь взметнула фонтанчики с правого борта достаточно далеко, стало ясно, что целиться точно стрелку уже не с руки.

«Хорошо, что не с моста бьёт!» – подумалось горячечно.

Если ему повезёт, сейчас почувствую тупой удар в спину, и всё. Как глупо! Нервно оглянувшись, я успел заметить дульную вспышку выше абриса вогнутой чаши Центрального стадиона Олимпийского резерва. Осветительная вышка, оттуда лупит! Да, с чаши меня не достать, оттуда не видно этого места на реке.

Третья очередь! На этот раз фонтанчиков я не увидел. И не мудрено. Водная поверхность сильно скрадывает расстояние, обманывает наблюдателя. Без опыта и должной подготовки стрелок, ведущий дальний огонь через воду, обязательно будет косячить. От ближайшей вышки стадиона до набережной острова метров триста, не меньше. Да ещё семьсот по реке.

А ведь он продолжал палить! Я бы из автомата стрелять на такую дальность не стал.

Плохо дело, если у него есть пулемёт.

Берег приближался очень быстро, за кормой тянулась пенящаяся полоса – след от бешеной работы полированного скоростного винта. Прошло всего несколько секунд, а я уже мог различать даже мелкие размытые надписи на бетоне, короткие типовые тексты про любовь до гроба, верность, дружбу и всё остальное в подобном духе. Я бы тоже написал яркой краской кое-что про козлов, стреляющих очередями по проплывающим лодкам... Ещё один поворот, точнее, доворот, резкий сброс газа, и моторка малым ходом пошла вдоль бетонной стенки к Речному вокзалу со свободными причальными стенками в транцах. Большие пассажирские теплоходы в свой дом так и не вернулись.

Руки тряслись. Не торопясь подходить к причалам, я перевёл двигатель на нейтраль, предоставляя лодку течению, и поднес к глазам бинокль. Стрелок не объявлялся, никаких целей на крыше стадиона видно не было. Ты там залёг, что ли?

– Или же просто умный.

Напрасно вглядывался, не помог и бинокль.

– Чуть не убил! Эх, сучара, нет у меня для тебя рабочего времени, сволочь, – пробормотал я ещё раз, доставая из ящика бутылку с минеральной водой, в горле крепко пересохло, до боли при попытке сгенерировать слюну, пусть даже вязкую. Быстро глотнул три раза, резко выдохнул и добавил: – Личного тоже нет.

Жечь в напрасной показухе патроны я не собирался, абстрактная перестрелка тут ничего не даст, кроме потраченных нервов. Поэтому и «Тигра» не стал доставать. Такое расстояние – а тут почти километр – автомату не по силам, но даже из СВД палить не стоит, разве что если шамана позвать.

– Фу-ух... О, дела творятся! Адреналинчику-то сколько отхватил, Исаев, скажи! – попытался я приободрить сам себя.

Противник притих, неожиданная локальная война, похоже, была закончена.

Меня всё ещё била адреналиновая лихорадка, пальцы предательски дрожали, а в таком состоянии лучше не рулить.

После пальбы вокруг моста опять стало тихо. Моторку достаточно быстро несло вниз по реке. Как будто ничего не произошло, всем плевать! Чайки по обыкновению жаловались на свою судьбу, пролетая над берегом и на всякий случай требовательным криком выпрашивая подачку. Небо оставалось всё таким же серым, пасмурным. За последние пару часов солнце проглянуло, кажется, всего три или четыре раза, не больше, и тогда в городе начинали бликовать уцелевшие стёкла в окнах брошенных домов.

Что там с моими драгоценными коробками и коробочками, не вывалились ли за борт при таком маневрировании? Махом ко дну пойдут, а тут багориком не выловишь... Упаковки качественные, но многие из них очень тяжелы, товар изоляту требуется специфический. Встав, я шагнул к коробкам и осмотрел ещё раз. Потеря же хотя бы части генерального груза, который я так долго и старательно собирал по каталогам и спискам, автоматически отдаст команду к возобновлению рейда. А вот этого, товарищи, очень не хочется. Мне домой хочется, в ППД, в пункт постоянной дислокации Подтёсово.

Зараза, можно сказать, что сегодня уже дважды повезло! Сучий стрелок, а!

Хорошо, что не из самых крутых. Он, вообще-то, зря начал пристреливаться, пулемётчику нужно было не короткими очередями плевать, а сразу ставить заградительную очередь прямо по курсу моторки, без всяких поправок и упреждений. И я сам бы влетел в неё глупой казаркой.

У борта плескалось, течение постепенно тянуло меня всё дальше.

Жутковато возле речного вокзала, красивая архитектура в полном безлюдье выглядела зловеще. И даже давно привычный Коммунальный мост смотрел на меня утрашающе.

Я всё никак не мог успокоиться. «А если бы он в мотор попал на повороте, когда я ещё был близко, что тогда?» Не хотелось бы аварийно остаться на этом берегу, в самом центре

мёртвого города, да ещё и без наземного транспорта. Слишком много синяков по району болтается, пешим к себе на базу пробраться будет очень и очень непросто. Кроме того, здесь, как везде, есть ещё и одичалые собаки, которые с темнотой, как положено всем хищникам, выходят на охоту... Большие злые стаи, не ведающие жалости.

А тут я на ужин! Одиноким и тревожным, бреду, часто оглядываясь затравленным зверем, по безлюдным вечерним улицам. Дрожу. Страх вокруг себя распространяю. Волнами. Понимаю, что засветло не дойти, ищу временное убежище, но кругом глухие заборы. А где-то позади начинают охоту псы.

При мысли о неприятных особенностях подобного варианта развития событий я не мог отделаться от видения гнетущей ассоциации-картинки. Вот такой: с низкого мглистого неба ночного Красноярска свешивается кое-как просвечивающий через тучи шар полной луны, клыкастые, в вязкой слюне, морды членов стаи молитвенно подняты к ночному светилу, и безлюдные набережные, по которым я топаю, безуспешно стараясь идти как можно тише, крадучись, временами оглашаются протяжным предупреждающим воем.

Берегись, одиночка двуногая! Сейчас они закончат молитву ночных охотников и бросятся по следу, стремительные тени полетят по стенам, настигая неудачника, готовясь к смерти, человечиска!

А ещё мог за борт выпасть, между прочим. Предохранительной чеки, способной в таком случае выключить зажигание, у меня нет. Срочно нужно исправляться.

– Падла, и жилет не надел, – только нашлось для озвучивания, и я сплюнул от злости на самого себя. Так надевай сейчас! Или сперва лучше бы отплыть подальше?

– Исаев, доиграешься, в холодной воде поумнееешь, – прошептал я.

Действительно, хватит хорохориться, себя нужно любить и беречь. Да и ротный в моей памяти теперь не успокоится, будет постоянно напоминать, ругаться.

Зябко что-то, нужно остановиться. На самых малых оборотах тихо рокотал двигатель, теперь лодка оставалась на месте, а я торопливо подтягивал ремни и застёгивал на груди фастексы спасательного жилета. Справа серела громада старой причальной стенки, и по её высоте можно судить о том, насколько серьёзными были паводки до постройки Красноярской ГЭС. Не к месту подумалось, что большинство бывлых жалоб красноярцев на гидроэнергетиков по поводу подтоплений прибрежных территорий и зданий возникали из-за того, что уже после стабилизации уровня Енисея многие новые объекты построили вообще без учёта возможных паводков.

Неожиданно за спиной кто-то глухо кашлянул, хрипловато, по-мужски.

Вжикнув капроном спасжилета по сиденью, я резко оглянулся, сразу вздёргивая голову и ствол автомата.

– Твою ты душу, племя-семья-знамя-вымя... Ну, вам-то что здесь нужно?!

С парапета набережной, почти свесившись к реке по пояс, над размашистыми буквами текстов «Стены признаний» на меня пристально смотрели два синяка среднего возраста. Оба крепкие мужики. Синяки, совершенно точно. Придурковатые злые рожи с нормальными не спутаешь, увидев хотя бы дважды. Выглядели типчики не по-человечески. Кроме глаз... Странно. А ведь глаза у них обычно вполне сумасшедшие. Эти же синяки изучали меня слишком осмысленно. Вдумчиво так смотрели, необычно.

По какой-то причине изменившиеся оккупировали весь исторический центр левобережья Красноярска. Особенно много их попадает в районе железнодорожного вокзала, я могу это подтвердить, занесла меня туда как-то по делам нелёгкая... Злые языки утверждают, что их там и раньше было предостаточно. Поэтому общин в историческом центре нет, людям здесь не выжить. Но и сами синяки через мосты толпами на другой берег не ходят, живут в основном у себя на берегу. На чужой территории работают рейдовые группы людей или синячная разведка. Рейдеры, вольные или общинные, чаще всего действуют парами, одиночек типа меня очень

мало. Синяки засылают разведку произвольно, чаще одиночка заходит, но может и дюжина объявиться.

Медленно переглянувшись, синяки снова уставились на меня, после чего один из них, тот, что был ближе, небрежно повернул голову направо, словно для обмена мнениями, и я обомлел, ожидая, что он заговорит с напарником нормальным людским языком. Это был тувинец. Туву порой называли Сибирским Кавказом в верховьях Енисея в худшем смысле этого слова, мне рассказывали, что уровень бытовых убийств там был выше среднего по России... Та же беда, что и с северными народами, не принимает их организм спиртного, не справляется. Выпив, многие звереют, хватаясь за ножи.

Но этот тувинец точно не злоупотребляет.

Произнесёт что-нибудь? Даже интересно стало. Никто не может достоверно сказать, насколько сложно и информативно они общаются между собой. Подслушивать возле больших уличных костров на улицах, где странные жертвы безжалостного вируса Робба целыми оравами сидят и греются вечерами, как юнцы в скаутском лагере, не особо-то и хочется, твари эти очень чуткие. И бегают замечательно.

Тот, что стоял левее, более крупный с виду синяк с окладистой старообрядческой бородой, густой такой, красивой, вытянул голову в мою сторону, открыл рот, я замер.

Что он скажет, интересно? Образу соответствовало что-то посконное, историческое.

«Сгубили Расею, нехристи! Продали страну дьяволу, ироды, точно говорю. Вот как перестали люди креститься двумя перстами, так и продали! Ездют теперь тут всякие городские безобразники, молодёжь нашу своим видом будоражат! Кнутом их надобно, Пров Григорьевич, истинно, кнутом».

Но сумасшедший лишь что-то промычал, и они ещё раз переглянулись.

– Валите отсюда, а?!

Кашляли оба. Язвительно как-то, издевательски. Ах так?

Я поднял над головой руки и скрестил их оленьими рогами. Это самый верный способ издали определить, кто человек, а кто синяк – вирусные сумасшедшие органически не переносят такого жеста непонятной им символики. Однако в этот раз они не взревели со всей дурью и в холодную воду прыжком не бросились. Оба нырнули за парапет, тут же высунулись обратно, синхронно взмахивая руками. О-па! В мою сторону, бешено вращаясь в воздухе с очень неприятным шуршащим звуком полетели два обрезка арматуры. Такие пруты длиной сантиметров в сорок – любимое оружие синяков. Между прочим, пилят! Ножовкой по металлу, сам пару раз смотрел на срез, когда подобрал обрезки на асфальте. Они очень эффективно используют калиброванные обрезки в качестве метательных снарядов, наиболее умелые ими собак глушат, первым же попаданием. И тащат на вертел. Кстати, другие тяжёлые и острые предметы синяки мечут так же ловко.

Опять выручило расстояние, «Бастер» постепенно отводил нос правее, и до берега было уже тридцать метров.

– А пулю в башку?! – заорал я, опять вскидывая автомат.

Ага, куда там! На этот раз синяки, резво нырнув за серый щербатый камень, больше не высовывались.

Как же быстро умнеют они, дети Робба... Раньше эти черти дикие и не подумали бы прятаться, мы валили их, как на стрельбище. Теперь же всё стало по-другому, это действительно серьёзный противник и настоящий конкурент в борьбе за поляны. Мало того, они ещё и эволюционируют, и не в минус, а в плюс. Порой мне кажется, что сам Создатель руками ненавистного всем выжившим учёного Робба, изобретателя убойного вируса, имя которого ещё до катастрофы успели раструбить на весь свет и проклясть, решил создать людям конкурентов.

А что? Новая модель человечества. С предоставлением шанса и им тоже. Но в таком случае этот самый Робб вовсе не ещё один тщеславный сумасшедший со зловещей пробиркой, а настоящий Бич Божий. Или его рука, карающая либо корректирующая.

Оторопеешь тут.

* * *

Моторка полным ходом пролетела под Октябрьским мостом, двигаясь точно посередине. В акватории пусто, если говорить об объектах движущихся, не считая одного «Крыма» с двумя моторами, ушедшего в протоку. Мужчина, сидевший на корме, махнул рукой, показывая, что конфликтовать не собирается, и я спокойно проследовал дальше.

Редко сейчас встретишь на воде другие суда, управляемые людьми. Я знаю моторки двух городских общин, где у нас почти всё схвачено и оговорено, и лодки двух поисковых групп рейдеров, с которыми у меня ровные нейтральные отношения – приятельских в таком ремесле не бывает, сами понимаете. Однако территория прибрежной застройки огромна, а пробежки плавсредств очень редки, с учётом того, что никто и не хочет встречаться. После моста на обозримой части реки «Бастер» находился в гордом одиночестве. И всё-таки, несмотря на физическую усталость и хронический недосып, я внимательно смотрел по сторонам. Что не мешало и размышлять о произошедшем.

Зачем он стрелял – мысль не давала покоя.

В Красноярске у меня нет явных личных врагов. Дороги никому вроде бы не перешёл, я слежу за этим тщательно. А если где и перешёл, то концы мутных историй не менее тщательно спрятаны в воду или в грунт. Бездумное смертоубийство прекратилось ещё зимой, после того как в городах и посёлках отстреляли самых безбашенных. Нет смысла просто так убивать людей в черте огромного мегаполиса, где всяких ништяков всё ещё навалом.

Сообщества выживших после болезни, или общинников, как их иногда называют, численно очень малы. Коллектив даже в полсотни человек считается большим, по нынешним меркам это целое племя. Людей на планете стало много меньше, чем складов с ништяками. В реальности сказочки о сплошных сволочах вокруг, убивающих всех подряд за еду и патроны, не превращаются в настоящую жизнь людей, беспредел долго не живёт. Сами же правила в закрытых коллективах устанавливаются очень быстро, от архипелага Фиджи и до наших северо-

Фиджи теперь существует только на карте и в моих мечтах, а вот отечественный опыт, тоже островной в своём роде, благодаря лекциям Даши Закревской я изучил неплохо. Вооружённые столкновения на Севере всегда имели одну важную черту: малая численность конфликтующих сторон при огромных размерах оспариваемых пространств.

Малочисленность племён не позволяла им выделять воинское сословие, то есть обученную и вооружённую дружину профессионалов, и поэтому войны велись обычными охотниками, и потеря даже нескольких человек становилась катастрофой.

Воевали, да. Однако, читая о былых битвах северян, ясно понимаешь: каждый исход столь невеликой, с точки зрения военной науки, стычки определял судьбу невообразимо огромных территорий, которые нужно осваивать сбережёнными людьми... Так, зимой и весной 1850 года произошло эпохальное последнее столкновение между сводным отрядом самоёдов и ненцами на озере Туручедо возле Потапова. Битва завершилась победой энцев, в связи с этим была окончательно проведена граница между народами по Енисею. С тех пор правая «каменная» сторона Енисея стала считаться «самоедской», то есть энецкой, а левая низменная – «юрацкой», то есть ненецкой. Ненцы во второй половине XVII века дважды воевали с энцами. Первое сражение произошло в бассейне реки Таз, второе – на мысе Лескино, что на территории сегодняшнего сельского поселения Караул. Тогда ненцы истребили сорок самоедских

чумов, и в результате левобережье оказалось в руках ненцев. Сорок чумов, и тут же начали объединяться целые народы! Потому что тема была затронута важнейшая, это была борьба за угожья. Тем не менее после таких инцидентов людей требовалось беречь ещё пуще, поэтому строго регламентировались даже очень редкие межплеменные битвы, призванные решить острые территориальные споры.

Последняя война, третья, и велась она на озере Туручедо. Воспоминания о таких битвах до сих пор живы на Таймыре. Регламент в подобных схватках был жесточайшим. Для объявления войны к противнику посылали оленя, с изображением лучника. Обнаружив его, противник начинал военную подготовку, посылались разведка. У ненцев считалось залогом удачи – убить разведчика, окрасив его кровью полозья боевых нарт. Однако энецкий разведчик ускользнул, и поражение ненцев в какой-то мере связывается с этим.

Вооружение воинов состояло из кожаных доспехов, реже железной кольчуги, и луков. Место битвы правобережные обозначили установкой маленького чума с красным флажком и стрелами, направленными в сторону врага. Ненецкий воевода отправил переговорщика, и с главой енисейских племён были согласованы семь основных условий войны и назначены неприкосновенные переговорщики. Для отличия в их нарты запрягали по два оленя, к шестам-хороям привязали красные флаги. Впереди сходящихся войск шли сыновья вождей, которые выстреливали из луков для определения необходимой дистанции. При первом наступлении количество войска было равным, по полсотни душ, воинов запаса – кто сколько смог выставить. Сменные бойцы во время сражения находились в двух сотнях метров позади стрелков. Раненых увозили, а убитые оставались на месте до конца сражения. Вместо убитых и раненых выставляли воинов из запаса. В конце каждого дня производился подсчёт потерь. Утром сражение начиналось с того места, где закончили вечером. Ночью не воевали, для прекращения боя переговорщики с флагами заезжали с обеих сторон.

Ненцы оказались побежденными, и им пришлось просить о мире, переговорщики сторон зашли с флагами между войсками. Вождь ненцев послал военачальнику самоедов свой военный лук с семью стрелами и боевой кинжал. После сражения определили место захоронения. Ненцы большинство убитых увезли с собой, часть воинов были погребены на месте. На обеих братских могилах поставили деревянные изображения человека с луком и кинжалом. У изображения на могиле ненецких воинов в левом боку была воткнута стрела – знак поражения. Возле братских могил развели костры, военачальниками были произнесены речи по поводу одержанной победы и понесённого поражения, а также о необходимости жить в мире и дружбе. Оставив луки, стрелы и кинжалы на могиле, побеждённые вернулись в свои края. Бой у Туручедо, по рассказам потомков участников сражения, превратился в нечто вроде великого потопа, в котором сумели спастись те, от кого берут начало родовые имена, да и вообще история современных живущих народов – энцев, нганасан, эвенков.

Не будь подобных регламентов, на северах и в Сибири просто не осталось бы коренных народов. А для борьбы с беспредельщиками существовали другие регламенты, достаточно вспомнить хотя бы суды Линча. И у нас линчуют на раз, действующие виселицы найти нетрудно, каждый рейдер знает, где они есть и кто на них болтается.

Нет пока что серьёзных споров, слишком много вокруг бесхозного... Единичные стычки случаются во время разведок и рейдов, часто просто в испуге, от неожиданности появления в поле зрения чужих. По осени большая бандитская группа пыталась совершать набеги на общины Кировского и Ленинского районов, первая вылазка почти удалась, но, получив в следующем бою невосполнимые потери всего в несколько душ, от такой практики уголовники отказались.

Убийств, и с этим утверждением согласны старосты общин, происходит относительно мало, но каждое из них чувствительно для общего числа выживших. Всё течет и развивается предельно рационально. Изверги редки, они неперспективны для эволюции. За кровь всегда

последует ответка, как тут говорят. Кровь – сущность натуральная, а не декоративная. Если ты, смелый такой, влез к людям и без веских причин убил не воина-противника, а дитя, мать и отца конкретного мирного человека, который тебе ничего плохого не сделал и войной на тебя не ходил, то готовься к ответке, страшной. Она уже родилась в чьих-то желаниях, ты стал для кого-то очень важным и нужным, а это нынче самое главное в энергии места.

Стволы и у других людей имеются, а ты не бронированный. Рано или поздно желание начнёт реализовываться, обязательно. Честно говоря, я такому идиоту совсем не завидую. Может быть, он уже и пожалел тысячу раз о содеянном, только кровник разбираться не будет. На то она и кровная месть, в общем-то.

Лишать человека жизни без действительно веских причин глупо. Человек очень ценен и может работать на хозяина. Бандиты это поняли достаточно быстро и начали захватывать рабов, прежде всего молодых женщин. Вот здесь есть проблема, это головная боль всех общинников без исключения. Сейчас выработаны определённые правила и нормы охраны. Общинники осторожны, но решительны, по приблизившимся к их базовой территории людям будут стрелять на поражение при любом подозрении на злой умысел. Интуиция позволяет опознавать такой умысел быстро, так что здесь всё понятно.

Но стрелять без видимой причины по лодке на реке, да ещё и с большого расстояния... Полная дикость.

Стоп! А может, это была не дикость, а попытка мести?

Допустим, кто-то со стороны увидел, как я в «Клубе» привалил глупого байкера, и решил свести счёты? Его родственник или дружок. Нет, что-то тут не сходится... Меня вполне можно было подстрелить гораздо проще, там же, где стрелок и увидел происходящее. Времени для этого было предостаточно: пока с могилой возился, пока лодку на воду лебёдкой спускал... Да и сама стрелковая позиция на вышке возле стадиона расположена далеко от базы «Клуб».

Тогда кто это был?

Чёрт, не зря я утром удивился. Этой душной ночью мне приснился характерный сон: катер покупал у какого-то заграничного мужика, причём крутейший, очень дорогой. Постоянно общаясь с речниками и их жёнами, я волей-неволей уже выучил профессиональный сонник. Если во сне приобретается лодка или катер, то наяву за этим наверняка последует необдуманый поступок, который доставит удовольствие, причём неожиданно. Но если покупка очень дорогая, то необдуманным поступком воспользуешься не ты, а твои недоброжелатели. Верю ли я сонникам? Да как сказать... В целом нет. Однако общее понижение уровня цивилизованности автоматически поднимает на поверхность вопросы всякой мистики...

...Следующая отметка на реке. «Бастер», не снижая скорости, проскочил под стальными фермами Коркинского железнодорожно-автомобильного моста, он же мост «777». В период строительства – «Объект 777», номер в официальном реестре железнодорожных объектов. Мост стратегический. По нему, минуя Красноярск, шёл транзитный грузопоток Транссиба. Он же соединяет северную объездную дорогу, проходящую по границе Советского района, и правобережный Ленинский район с выездом к Берёзовке. Пользуюсь я им активно, в отличие от Коммунального, ведущего к опасным «синим» территориям левобережья.

За мостом начался очередной затон, который использовали не службы Енисейского речного пароходства, а небольшие судоходные компании. По сравнению с Красноярской РЭБ флота, бывшим Красноярским судоремонтным заводом, здесь настоящая свалка на воде, в нагромождении корпусов и надстроек разглядеть удаётся немного. Потянулись ряды ангаров, сараев, гаражей и каких-то других строений, по берегу занимали позиции ряды больших ржавых барж. Половину из них я по весне не увижу, корпуса сомнёт или унесёт ледоходом. Ох и интересное же время начнётся на реке! Весь Енисей ниже по течению будет усеян ржавым железом. Хотя его и сейчас хватает, барахла клёпаного да сварного, чего только не встретишь на излуцинах...

Слева виднелись толстые трубы с ведущими к ним дымоходами и длинные серые громадины бетонных строений КраЗа, Красноярского алюминиевого завода, гиганта цветной металлургии, остановленного навеки.

При выбросах травил он город крепко, хотя место его строительства и выбиралось с учётом розы ветров. Чистый «север» в Красноярске – редкий ветер, здесь преобладают ветра западного и юго-западного направления, что учли и при строительстве Горно-химического комбината в Железногорске, то есть в Красноярске-26. Алюминиевый и металлургический заводы находятся на северной окраине города. Поэтому при выбросах с КраЗа часто доставалось именно южной части Железногорска, говорят, там огурцы на грядках пропадали.

Вот и отравленный КраЗом и практически ликвидированный посёлок Коркино, силуэты цехов встают над береговым обрывом. Десятки труб, уходящие в бесконечность цеха и ажурные мачты линий электропередач... Показался заводской водозабор, очень необычная конструкция с ещё более необычным дополнением: к одной из толстенных труб, уходящих в воду вертикально, носом вниз была привязана моторная лодка. Более забавного способа парковки моторок я не видел. Снять её хозяин так и не успел.

Раньше много труб было и на правом берегу, но потом от мощной индустрии правого берега фактически остались Красмаш, завод синтетического каучука, завод цветных металлов и кое-что по мелочи. Трубы правобережья – ТЭЦ.

На КраЗе всё выглядит почти так же, как в Норильске, – сплошной технопанк.

Такой заводиче – словно гигантский дредноут, стоящий на берегу Енисея, сухопутный броненосец «Ретвизан». Вот уж кто не боится половодья... Всё на виду, торчит во все стороны. Ничего не спрятано. Кругом суставчатые трубы, длинные цеха металлургических переделов, галереи, вспомогательные цеха, технологический транспорт. Сваи, ростверки... Броня! Панели, металлоконструкции, заклёпки диаметром в метр. Ещё совсем недавно эти заводы-дредноуты пыхтели, дымили, в тисках стеновых панелей и футеровки билось яростное пламя электропечей и конверторов, пыхали паром и кислотами цеха электролиза. Системы теплоснабжения в несколько ниток бесперебойно гнали теплоноситель, спаренные дизель-электровозы тянули составы с необходимым грузом. Знаменитому Рудольфу Дизелю это наверняка бы понравилось, здесь его древнее изобретение честно выжимали, как губку, ибо других так и не появилось. Не появилось, увы, фотонных двигателей, на планете всё так же хозяйничал технопанк, как первооснова даже самых передовых технологий. А главными в этой культуре по-прежнему были вот эти комплексы-монстры, не считающие нужным напяливать на себя кокетливые стелс-экраны.

КраЗ и сейчас не прячется. И тем пугает ещё больше. Теперь вокруг завода – груды металла и бетона, которые никогда не дождутся разбора и разделки, заброшенные цеха и земли, на которых уже началась естественная рекультивация.

Вот туда я ещё не совался и искренне надеюсь, что не придётся, больно уж плохое про это место люди рассказывают, мистическое, всякий бред нехороший. И верить во всё рассказанное нельзя, и отмахиваться не получается.

Там нет устойчивого акустического фона, как необходимой базы. В то же время, в подобном техногенном окружении очень много звуков непредсказуемых, и далеко не всегда понятного генезиса. Слишком уж много переменных. Когда-то в молодости я первый раз один ночевал в тайге и ошибочно поставил палатку прямо возле небольшого таёжного ручейка. Мне очень понравилось его мирное журчание и шаговый доступ к чистой воде. И никто не объяснил недоумку загодя, что так поступать категорически нельзя. В результате той ночью мне было не до сна, одна тряска от страха. Постоянно слышались осторожные шаги и тихие разговоры, к которым я старательно прислушивался. Естественно, никого за палаткой на самом деле не было, но ведь я их слышал! Чуждающихся слов и фраз разобрать не мог и от того психовал ещё больше, умом понимая всю абсурдность ситуации. Хорошо насмехаться над этим,

находясь возле прогретого камина в уютном уголке отеля «Сибирский сафари-клуб»! Хотя и там бывало...

Да, я так и не смог заснуть, судорожно сжимая в руке огромный кустарный ножик зверского вида, постоянно приоткрывая полог палатки, и даже выбирался наружу с фонариком, каждый раз убеждаясь, что снова и снова ловлю слуховые галлюцинации. А всё из-за проклятого журчания и перезвона, который перерастал в перешёптывание. К полуночи мне уже мерещились негодующие, а порой и истеричные женские голоса, напряжённые ответы злых мужчин, тихий плач младенца и скулёж побитой собаки. Ситуацию накаляло отсутствие ружья, молод был, не положено.

Проблема слуховых галлюцинаций хорошо известна опытным людям, полевики со стажем никогда не будут разбивать лагерь возле таких генераторов шумов, как речки, ручьи и тем более водопады, как бы красивы и притягательны они ни были, там обязательно будут мерещиться посторонние звуки. Возле сыпучих склонов не лучше, даже в безопасном месте, в стороне. Ночью при перепаде температур по круче побегут каменные струи, и можно с ума сойти, пытаясь разобраться, кто это там крадёт. Если полевой выход предваряется долгим нахождением в обжитой среде, где много людей, работают транспорт и средства связи и всё непрерывно требует принятия решений, то ты почувствуешь некую нехватку внешнего акустического воздействия. Это длится до той поры, пока не адаптируешься, не настроишься так, чтобы получать достаточное количество данных. Время настройки у всех разное, в зависимости от опыта, подготовки и нервной системы. Попадая в дикую среду с информационным вакуумом, подсознание начинает самовольно заполнять пустоты. Не хватает привычных звуков. Я порой начинаю тихо мурлыкать, так скажу, ибо пением это не назовёшь... Разговариваю сам с собой в спокойной обстановке, проверяя решения или впечатления, для чего иногда ключевые мысли воспроизвожу вслух.

Слух пытается из любого шороха и треска, скрипа и шуршания слепить привычный образ или явление, он не готов запросто определить что-либо, как критически необычайное. Он складывает звуки в слова на знакомых языках, подставляет тембры и интонации, часто вполне успешно. В спокойном состоянии человеческий мозг, не тратя времени на узнавание уже знакомого, как ему кажется, способен составлять цельную картину из сенсорных намёков, а подсознание дорисует недостающее. При излишке включается дискриминатор, отсеивая ненужное и оставляя только существенное.

Но при стрессе, когда информационный поток мощный, а времени мало, мозговой дискриминатор начинает давать сбои и перестаёт действовать здраво, концентрируясь не на получении данных и быстром анализе, а на мыслях о спасении. Инструкции, памятки и советы бывалых напрочь вылетают из головы! Человек не может контролировать свои действия, он не уверен в правильности своих шагов. А времени на раздумья нет. Его охватывает паника, часто ведущая к гибели. Необходимо помнить, что причина наших страхов кроется именно в недостатке информации. Чего скрывать, и я сам боюсь таких ситуаций, работая в одиночку. Не с кем проверить ощущения.

Безоговорочно верить нельзя ничему. Да, речка шумит из-за особенностей течения и рельефа, привидевшийся вдали образ вполне может быть игрой атмосферных явлений, вплоть до настоящих миражей. Всё надо проверять. Частоту, глубину и длительность таких проверок определяет только опыт. С каждым полевым выходом восприятие обостряется, и ты учишься в акустическом, зрительном и обонятельном поле тонко чувствовать опасность, засекаать вовремя любое чужое присутствие и без проблем фильтровать побочную мистику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.